

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ
Василий
ОРЕХОВ

[ИМПЕРИЯ НАНОСИТ
ОТВЕТНЫЙ УДАР]

Империя наносит ответный удар

Роман Злотников

Империя наносит ответный удар

«Автор»

«Автор»

2007

Злотников Р. В.

Империя наносит ответный удар / Р. В. Злотников — «Автор»,
«Автор», 2007 — (Империя наносит ответный удар)

Российская Империя сильна людьми и делами. У Российской Империи самый мощный космический флот. В губерниях, рассеянных по всей галактике, наведен порядок. Стабильная экономика, жесткая и решительная внешняя политика державы не позволяют Соединенным Мирам и прочим колониальным империям вступать в открытое противостояние с ней. Но есть и другие способы борьбы... Российская Империя не дает в обиду своих подданных, где бы они ни жили – на Земле или на затерянной в космосе планетке Дальний Приют. Именно там, спасая мирных поселенцев, сложил головы взвод элитного спецназа Пятого флота его императорского величества Александра Михайловича. Это была хитроумно расставленная ловушка. Выжили только трое. Но три Горностая стоят тысячи боевиков мафиозных кланов, которым Империя готова нанести ответный удар...

© Злотников Р. В., 2007

© Автор, 2007

© Автор, 2007

Содержание

Авторское предуведомление	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роман Злотников, Василий Орехов

Империя наносит ответный удар

Авторское предуведомление

Уважаемые читатели!

Авторы считают своим долгом проинформировать вас, что они знакомы со знаменитым киносериалом «Звездные войны».

Авторы в курсе, что название этой книги совпадает с названием одного из фильмов сериала «Episode V: The Empire Strikes Back».

Авторы заверяют, что текст книги не имеет никакого отношения к легендарной эпопее Джорджа Лукаса.

Авторы отдают себе отчет в том, что кто-то может счесть себя оскорбленным, а кто-то задумается, дочитав до конца, но в любом случае полагают, что поступили правильно.

Приятного чтения,

Роман Злотников, Василий Орехов

Глава 1

– А что, уважаемый, не слишком ли это утомительно – два светила-то?

– Ну, бывает... Но что ни говори, а два солнца для земледельца – большое подспорье в хозяйстве. Ярило вечером опустится за холмы, а над дальними горами Лабысло уже тут как тут. И катится по небу всю ночь, до самого восхода Ярилы. Ну и оно, конечно, те культуры, которые из титульного списка Императорской сельхозакадемии, начинают плодоносить сам-тридцать и сам-сорок. Я-то когда учился у вас на Светлом Владимире, видал, какие в тамошних магазинах овощи худосочные. То ли дело у нас: зерновые, скажем, колосятся, словно камыш на болоте, вишня опять же вырастает размером с клубнику, клубника – не меньше вашего яблока, а яблоко или, для примера, помидор в одной руке не помещаются. Всякая культура, которая солнце любит, урождается у нас куда лучше и скорее, чем под прохладным земным светилем, однознак.

Пилот глидера чуть подал на себя потертый, весь в залысинах пластика штурвал, отчего глидер слегка задрал нос и перевалил через невысокую скальную гряду, густо поросшую лесом, состоящим из генетически модифицированной лиственницы и местных пород. Затем пилот вновь опустил машину до высоты, с которой, казалось, можно было рукой дотянуться до верхушек стремительно проносящихся под днищем деревьев.

– Конечно, есть свои трудности, куда ж без них, – продолжал он. – Для примера, спать крестьянину совершенно не можно, когда круглые сутки светло как днем и иногда даже еще светлее. Поселяне давно уже перестали делать в спальнях окна, иначе совершенно не можно. Я когда на Светлом Владимире объявился, даже удивлялся поначалу – окна в спальнях, экое диво! Как же спать? – Пилот хохотнул. – А потом ничего, привык... Опять же огурец, скажем: он от такого количества света желтеет, сохнет и грустит всячески. Приходится его раз в сутки накрывать светоотражающей пленкой, чтобы отдыхал. И капуста обратно получается сухая и жесткая. И редис выходит пустотелый и горький. Зато вкусной моркови и картофелю родится столько, что успевай только бурты сколачивать. И свекла...

Далеко впереди блеснуло небольшое озеро. Пилот уверенно свернул к нему – видимо, для местных оно служило дополнительным ориентиром.

– Ясно, что на земледелие не только двойная звезда влияет. Тут и вода совсем другая, и состав почвы, и притяжение, и магнитные поля. А растение – оно ить как человек, чувствует, где живет: что-то угнетает его, что-то, наоборот, в рост пускает. Для растения важно, чтобы было достаточно солнца, воды и подходящего грунта. Бывает, скажем, что солнца много, а почва – сплошной камень, пыль да песок, вон как остальные в нашей системе. Такие планеты для крестьянства непригодны. Правда, и с них польза государству имеется: их можно использовать как плацдармы. То есть вращается возле вражеского мира или мятежной провинции такая себе небольшая планетка, сплошь из камня, пыли да песка. Ну, или лед там многокилометровый, неважно. По приказу Александра Михайловича на ней тайно оборудуют военную базу, и – пожалуйста бриться. Неприятель только глазами лупает, когда у него в небе вдруг возникают несокрушимые русские армады. Он-то думал, что нам еще лететь и лететь бог знает откуда, а мы вот они: хаудуюду, мистер? Как почивали-с, на лаврах то есть?..

Пассажир уважительно кивнул:

– Это вы Ипалайский конфликт имеете в виду? Вот уж не думал, что у вас тут следят за внешнеполитическими новостями.

– А как же, мил-человек, а как же! Ты не смотри, что у нас губерния земледельческая, маленькая, от звездных трасс далеко, отчего в битвах не участвует и баз военных на ней нету. Во-первых, рекрутов мы в имперский флот регулярно отправляем, и краснеть за них нам еще ни разу не приходилось. Во-вторых, почитай, в каждой семье кто-нибудь да учился на столице.

У нас, к примеру, дядя мой, теперь вон племянника отправляю. Умный парнишка, не то что мои охламоны... Да и все братья мои двоюродные образование имеют. Токмо учились поближе да подешевше. На Карелах, к примеру, или на Казачьем Посту, а кто и до Новшлиссельбурга добрался...

Пассажир вновь понимающе кивнул. На Новом Шлиссельбурге располагалась вторая по значимости и престижу сельскохозяйственная и лесотехническая академия Империи. И хотя она не значилась в списке патронируемых и содержалась в основном на средства Фонда Освоения и частные пожертвования, но средств этих хватало с лихвой. Так что оснащена она была едва ли даже не лучше Светловладимирской, да и по стоимости обучения ей не уступала. Единственное, на чем мог выиграть студент на Новом Шлиссельбурге, так это на стоимости жилья и более низком по сравнению со столичным уровне цен в губернии.

Пилот между тем продолжал:

– Так что всем, что в Империи и за ее пределами творится, – очень даже интересуемся. И во всеимперском чемпионате по кулачному бою за наших болеем регулярно, и сериалы бабы смотрят... И как живут городские, мы прекрасно знаем, потому как парады в День Тезоименитства, и концерты на День Флота, и Большую императорскую охоту всегда смотрим по сети. И новости, особенно про внешнюю политику. У нас ведь тут тоже поозоровывают...

– И сильно? – заинтересовался пассажир.

– Да нет, не особо. Чтобы губернское ополчение регулярно с вражеским десантом воевало – от этого нас Александр Михайлович хранит, дай бог здоровья ему и долгих лет на престоле. Залетные лихие люди балуют, конечно, ну так на то мы и приграничный район. Всякое бывает. А ты варежку не разевай и будь готов отстоять свое добро с оружием в руках. Флот, чай, за каждым пиратским катером гоняться не может, у него государственная задача – содержать Российскую Империю в порядке и не допускать супостата в пределы. А с баловниками мы и сами справимся, люди привышные...

Пассажир усмехнулся. Да уж, разница в менталитете между подданными густонаселенных центральных миров Империи и окраин налицо. Если бы у границ так называемых цивилизованных губерний появилась хотя бы тень пиратского корабля, то СМИ тут же подняли бы крик: «Где флот?», «Что делают наши адмиралы?», «Куда уходят деньги налогоплательщиков?», «Почему подданные Империи не могут чувствовать себя в безопасности даже в центральных провинциях?» А тут – «сами справимся»... И ведь справляются же, черт побери!

– Кроме земледельческих хуторов, есть у нас тут всякие охотничьи артели, большие и малые, – снова вернулся к рассказу о родной губернии пилот. – Дичи, стало быть, в окрестных лесах много водится, только не всякую есть можно. Златоглавок вот нельзя, и трупирей, и более всего листвяников – на кровавый понос изойдешь. Зато хорошие шкуры и крепкие кожи. Рыбу ловят, только помаленьку: неудобно, да и невкусная. Золотишко моют старатели, но тоже по малости – выход породы слишком скудный и лететь до нас далеко, чтобы государству была выгодна промышленная добыча. Вот и все. Кожевенный заводик, пушная мануфактура, таможенка, сувенирные кустари, лесопилка, пара больших ферм-комбинатов, на которых выращивают свиней, коровок, кур и кролей. Не центральные провинции, конечно, на каждой из которых десятков таких губерний, как наша, помещается, но жить очень даже можно.

– А что молодежь, после учебы в столице не остается ли? – поинтересовался пассажир.

Пилот почесал бороду свободной рукой.

– Ну... бывает, и остается. Вон у Пронькиных, Витальки младшего дочка, во время учебы замуж выскочила и осталась. У Джабраиловых опять же, старшего Козьмы сын, Марат, тоже. В полиции служит на Новом Шлиссельбурге. Остаются, как же не оставаться, ведь там и развлечения всякие городские, и денег побольше... Токмо большинство все одно возвращается. Потому что... Как бы объяснить тебе, мил-человек... Вот, бывалоча, выйдешь на закате Ярилы из дому, после баньки-то, сядешь на завалинке с кружкой лимонникового чаю или свежесва-

ренного пива, прихлебываешь потихоньку, поглядываешь на дальний лес, любишь на крошечные Макошь с Радунницей, что наперегонки бегут по небу, – и такая любовь к сердцу подступает, таково становится хорошо, что даже в глазах начинает щипать, ровно у бабы глупой. Родина, уважаемый! Родина...

Глидер миновал приметное озерцо и направился к вздымавшимся на юго-востоке холмам.

* * *

– Н-но, пшла, дура!

Почесывая спину кнутовищем, хуторянин деловито загонял в распахнутые ворота хлева коровку. Животное протяжно мычало, жалобно зыркая на хозяина выпуклым блестящим глазом. Не обращая внимания на мольбы подопечной, тот попинывал ее в корму, добиваясь, чтобы она попала в створ ворот с первого раза. Коровка была неповоротливой, как танк, и на воротах виднелись отчетливые глубокие вмятины от предыдущих столкновений.

– Давай, давай, Бусечка! Куда пошла? А ну, стой!

Коровка Буся, бессмысленно вращая глазами, двинулась боком и с грохотом врезалась в сетчатый металлический забор. Селянин с проклятиями бросился к ней и начал плечом оттирать в сторону хлева.

– Ну, давай же, родимая... Пошла, бестия, кому говорят!

Брюшко Буси вдруг конвульсивно сократилось и плюнуло в человека едким секретом. Чуть отклонившись и пропустив мимо себя гжучую петлю изумрудного цвета, которая вдребезги разбилась о забор, хуторянин совсем рассердился:

– Ах ты, стерва... – Он отвесил коровке могучего пинка по филейной части корпуса, и животное снова развернулось мордой к воротам. – Пошла, дочь греха! Давно кнута не пробовала? Сейчас выпросишь – угощу!

Коровка кнута не хотела, поэтому снова покорно двинулась к воротам – и с размаху слепо врезалась в них грудным панцирем. Хозяин набрал в легкие побольше воздуха, чтобы от души выmaterить бестолковое животное, но в этот момент у него на запястье затрещал, запиликал суматошно электронный браслет. Хуторянин бросил на него недовольный взгляд и тут же подобрался: браслет сигнализировал, что в доме сработала радарная система.

– Все, подруга, некогда мне больше с тобой возжаться! – Резким движением он вонзил кнутовище между жестких чешуек панциря коровки и сжал рукоятку в пальцах. Слабый электрический разряд уколол животное в нежную мякоть, и оно, взбрыкнув четырьмя лапами из восьми и протестуя взревев, все-таки ухитрилось протиснуться в хлев, ободрав панцирные бока о створки ворот. Большая вымахала, зараза, четыре панциря за год сбросила, красавица. Снова надо расширять помещение.

Быстро заперевав хлев, хуторянин бегом бросился в дом.

На радаре отображалась мерцающая красная точка. В зону действия радарной системы вошел небольшой глидер, который стремительно приближался с северо-запада. Места здесь были беспокойные, на планете порой высаживались шайки космических отморожков с территорий американского фронта, интересовавшихся старательскими артелями и продуктами, которые можно было отобрать у местных фермеров. Разумеется, обычно для пиратов все заканчивалось плачевно, однако местный люд был настороже. Береженого, как известно, святые угодники берегут.

Забрав в сених прислоненный к стене «барин», хуторянин вышел на улицу и, приложив ладонь козырьком ко лбу, посмотрел в вечернее небо. На горизонте, на фоне пылающего местного заката, показалось продолговатое пятнышко глидера. Такие модели не были приспособлены

соблены для межпланетных перелетов, соседи использовали их, чтобы перемещаться по губернии, но это еще ничего не значило.

Жесткое, продубленное излучением двух солнц лицо прорезала хмурая усмешка, и хуторянин, вскинув «барин»», текучим, ловким, совершенно не характерным для крестьянина, более свойственным танцору движением скользнул вперед и в сторону, к покосившемуся овину.

Легкий катер опустился на пастбище за домом, неподалеку от Бусиного хлева, пустив воздушную волну по зарослям травы. Заслышав чужака, коровка заволновалась и заскреблась в своем домике, словно жук в спичечном коробке. Глидер действительно оказался соседский, однако хуторянин продолжал держать его в рамке пассивного широкоугольного прицела, пока сосед Никодим не откинул прозрачный колпак кабины, не вылез из катера и не свистнул условным свистом, который обозначал, что все в порядке.

– Родим Афанасьевич, ты здесь? Вылазь! – крикнул гость, озираясь в поисках хозяина. – Свои!

Выйдя из-за овина и забросив «барин» за спину, хуторянин степенно поздоровался с соседом.

– Здоров будь, соседушко, – приветствовал он гостя и замолчал. А чего болтать-то? Раз сосед наведалься – значит, дело у него. А раз у него дело, так пусть сам разговор и затевает.

– Гостя я тебе привез, Родим Афанасьевич, – ответил тот, и тут же с заднего сиденья глидера донесся старческий, но энергичный голос:

– Однако помогите же спуститься, молодые люди!

Из кабины высунулась абсолютно седая голова. На вид пассажиру было лет сто – сто двадцать, хотя вел он себя для своего возраста довольно бодро. На нем был изысканный городской костюм. Переносицу пассажира оседлало стильное позолоченное пенсне (впрочем, как называется эта очередная новомодная форма веб-коммуникатора, пилот узнал, только спросив у пассажира при посадке).

– Никодим, друг мой, примите информаторий!

Сосед поспешно подхватил чемоданчик, который старик подал ему из кабины. Видимо, этот багаж был слишком дорог гостю, чтобы доверять его грузовому отделению. Хуторянин подставил руку, и седой пассажир, опершись на нее, с трудом спустился по крутой металлической лесенке.

– Старость – не радость, – пожаловался он, ступив на твердую почву, и без всякого перехода восхитился: – Какой воздух, какой пейзаж! Какие цветы! Когда уйду на покой, лет через двадцать, непременно прилечу к вам жить. Найдется у вас тут немножко землицы для престарелого профессора?

– Да вон, полная долина, – добродушно махнул рукой Никодим. – Приезжайте и живите где хотите. Или в Озерках, с людьми, если есть желание. С домом поможем, с семенным фондом тоже. Оружие дадим. Своих не обижаем. А с таким соседом, как Родим Афанасьевич, вообще ничего не страшно.

Хуторянин хранил спокойное молчание. Как видно, он был не из говорунов.

– Спасибо, молодой человек! – Профессор благодарно улыбнулся, а потом хитро прищурился и, развернувшись к хозяину хутора, спросил, глядя на собеседника поверх пенсне: – Так вы, значит, и есть тот самый знаменитый охотник?

Тот пожал плечами.

– Не охотник я. Хуторянин.

– Ну да, – прогудел Никодим, – хуторянин... А кто каждый год по осени привозит на сборный пункт потребкооператива под полсотни шкур росوماх? Это ж не каждая охотничья артель столько за сезон скрадывает...

– Ну и что? – пожал плечами Родим. – Артельным-то по лесам за росахами приходится гонять, сторожить, а ко мне они сами приходят. Места-то глухие. Их тут – как мошканы...

– Вот-вот, – закивал головой пассажир, – это очень хорошо, очень... Кстати, позвольте представиться – Вельяминов, Федор Степанович.

– Родим, – откликнулся хуторянин. – Пестрецов.

– Крайне приятно. – Гость покосился на ствол «барина», торчавший у правого бедра собеседника: – Серьезная вещь, однако! Армейский вариант, если не ошибаюсь? Чем же, позвольте спросить, вызваны столь строгие меры предосторожности с вашей стороны? Никодим еще в воздухе запугал меня, что вы запросто можете сбить нас при посадке. Неужели мы похожи на бандитов?

Хозяин лениво пожал плечами.

– Кто ж вас разберет? Глидер вроде знакомый, да откуда я знаю, кто на нем летит? На брюхе у него не написано.

– Я же говорил, профессор, – встрял Никодим, – озоруют тут у нас всякие придурки. В прошлом месяце вон одни уроды семьей Исуповых в заложники захватили. С хутора Пашкин Лес. И на их же глидере полетели к лагерю старательской артели Кузьмы Оглобли. Думали врасплох застать. Только когда вывалились из глидера, получили в упор залп из старательских «баранов». А потом еще один. И пожалте бриться. Те, кто выжил в перестрелке, потом очень удивлялись, как так получилось и почему налет не удался.

– А с семьей что? – обеспокоенно вскинулся профессор.

– Так с ними только двое охранников осталось. Вон Родим Афанасьевич с парой наших, что недавно из армии вернулись, баловников и скрутили.

– И вы, значит, тоже в армии служили? – профессор окинул уважительным взглядом крепкую фигуру хуторянина.

Тот молча пожал плечами, будто не поняв вопроса, а Никодим даже удивился:

– А кто не служил-то? Самое мужицкое дело – императору служить и родину от супостата оберегать.

Профессор вздохнул:

– Ну, в столице не все так думают, особенно из молодежи...

От такого заявления Никодим даже глаза вытаращил. Это как же так – в армии не служить и продолжать мужиком считаться?! Да где ж это видано?.. Впрочем, кто их, столичных, разберет. Он когда учился, слыхивал, что есть мужики, которые с другими мужиками заместо женщин живут. Такие, ясно дело, и служить не пойдут, потому что не женское это дело, так что все возможно...

– Но кому же это могло прийти в голову напасть на подданных русского императора? – снова вернулся к теме озорников профессор. – Все ведь знают, что у Александра Михайловича с мародерами разговор короткий.

Хозяин хутора вновь молча пожал плечами. Никодим пояснил:

– Я же и говорю – придурки. Потому как думали, видно, что медвежий угол у нас тут, никто и не узнает, кто созоровал, а ежели и узнает, то где мы, а где император – Александру Михалычу, мол, и делов-то нет до того, что происходит на окраинных планетах державы... Ну и вот. Те, что выжили после нападения, числом немного, трудятся сейчас в поте лица на рудниках Его Императорского Величия. Лет через шесть, глядишь, выйдут высочайшим указом на поселение, ума-разума набравшись... Ну, пес с ними.

Все согласно покивали, а затем Вельяминов, осторожно сняв пенсне-коммуникатор и начав протирать его белоснежным шелковым платочком, обратился к хозяину хутора:

– Однако я до сих пор не поведал, по какой причине прибыл. Видите ли, уважаемый Родим Афанасьевич, дело в том, что я ученый. Ксенобиолог. Пишу научную работу по эндемичным видам местной фауны. Про божьих коровок ваших, про листвяников, про костоеда. И,

в частности, очень интересуюсь повадками и ареалом обитания полосатой росомахи. Крайне любопытный хищник, смею вас заверить! Аналогов ему в изученной части галактики просто нет. На планете я уже почти неделю, все пытался увязаться с охотниками, но они брать меня с собой опасаются, потому что, дескать, я человек пожилой, мало ли что со мной в лесу приключиться может. А вы, Родим Афанасьевич, человек в местной общине уважаемый и охотник знатный. Вот мы и решили с окружным старостой, что вы способны мне помочь, ибо наверняка досконально изучили все повадки сей зверюги. Не окажете ли вы любезность поведать мне все, что знаете о полосатой росомахе? В каких местах предпочитает рыть норы, чем охотнее всего питается, как охотится...

– Родим Афанасьевич, – произнес Никодим умоляющим тоном, – не откажи, соседushка. Обчество очень просит тебя сподмогнуть уважаемому господину профессору. А то прямо нехорошо получается. Человек со столицы летел, понимаешь, через все пиратские территории, через пояс Лагранжа, головой рисковал ради торжества российской науки, а его никто из наших не привечает. Прямо скажем, стыдоба. Приюти человека, а? Расскажешь ему, что знаешь, про андичменный вид местной фауны.

Хуторянин окинул взглядом профессора и Никодима, глядевшего на него с крайне просительным видом, и неожиданно улыбнулся.

– А и хорошо.

– Отлично! – обрадовался профессор. – Спасибо вам огромное, уважаемый Родим Афанасьевич! Никодим, друг мой, выгружайте скорее багаж, пока хозяин не передумал.

Подхватив свой информаторий, он уверенно двинулся к жилищу хуторянина. Хмыкнув в бороду, Никодим переглянулся с хозяином и потешно сморщился. Столица, мол, без няньки никак...

Никодим быстро выгрузил из глйдера пожитки профессора, отказался остаться на ужин, сославшись на вечернюю дойку коровок и кучу других повседневных забот, и улетел. Проводив катер соседа взглядом и махнув ему вслед рукой, Родим взялся споро носить вещи Вельяминова в дом, как тот ни пытался таскать чемоданы самостоятельно. В итоге профессору удалось сделать только две ходки, перенеся загадочный информаторий и небольшой дорожный несессер с медикаментами. Когда он в очередной раз вернулся на пастбище за домом, вещей там уже не осталось.

– Вот тут располагайтесь, – Родим провел профессора по коридору и распахнул дверь в гостевую комнату. – Белье все чистое, только что стиранное. Разбирайте вещи, а я пока повечерять сделаю.

– Повечерять я бы не отказался! – оживился Федор Степанович. – Хотя, впрочем, у меня с собой академический экспедиционный паек.

Родим, который с отлетом соседа стал несколько более словоохотливым, с недоумением посмотрел на гостя, а затем покачал головой:

– Это вы для столиц оставьте. У меня картошечка свежая, сочная, мяско, грибочки. Овощи прямо с грядки. Сейчас все сготовлю в один момент.

– О, прошу прощения, – смутился профессор. – Но тогда уж я угощаю алкоголем. «Боярская». Из самой столицы вез.

– Это дело! – одобрил Родим. – Пивал когда-то, уважаю. – Он бросил на профессора взгляд, в котором опытный человек мог бы прочесть легкую иронию, искорку интереса, одобрение и где-то глубоко – следы какой-то затаенной горечи. Впрочем, эти самые следы, похоже, были в глубине его глаз практически постоянно. Вот только разглядеть их смог бы разве что очень опытный физиономист. – Так что переодевайтесь во что посвободнее, сполоснитесь с дороги – и милости прошу к столу. – С этими словами хозяин хутора прикрыл за собой дверь.

Оставшись один, профессор, вместо того чтобы сразу заняться распаковкой вещей либо залезть под душ, присел на кровать и, вновь сняв пенсне, принялся сосредоточенно его про-

тирать. Судя по всему, это был привычный жест, означавший, что профессор Вельяминов над чем-то глубоко задумался. Закончив протирку, он вновь водрузил пенсе на нос.

– Вам помочь чем-нибудь? – поинтересовался профессор, спустя четверть часа объявившись на кухне и наблюдая, как Родим моет корнеплоды.

– Ай, бросьте, – добродушно отмахнулся тот. – Вы барин городской, непривышный. С Александром Михалычем, наверно, в Золотом зале за руку здоровались. Вам, небось, картошку прислуга чистит, а еду личный повар готовит с Ниппона VII.

– Точно так-с, – чуть виновато согласился Вельяминов. – Времени, знаете ли, совершенно нет самому заниматьсястряпней. Однако я, милостивый государь, родом из такой же губернии, как ваша. Малый Алтай – может быть, слышали?.. Так я и думал. Десятый ребенок в семье. Сызмальства приучен ко всякой работе. Да и сейчас люблю ходить с друзьями в походы в лесную глушь. Прислугу мы с собой не берем, поваров тоже. Ну, где у вас тут ножик?

Борода Родима раздвинулась в одобрителной усмешке.

– Вот, – сказал он, подавая профессору требуемый инструмент. – А я тогда займусь грибами. Будете грибы? Соседка вчера привезла.

– Честно говоря, ни разу не пробовал местных грибов, – признался гость.

– Попробуйте непременно. Либо полюбите на всю жизнь, либо возненавидите. По-другому не бывает.

Ножом старичок действительно орудовал умело. Стружка с картошки лилась непрерывной, тонкой и прозрачной стружкой.

– А что, полосатая росомаха-то, – нейтральным тоном произнес Родим, щедро прополаскивая почищенную картошку под краном: гидроциркуляция в его доме была замкнутого цикла, поэтому воду можно было не экономить. – Неужто такой важный зверь, что ради него стоило лететь в такую даль, да еще и головой рисковать?

– Ну, не скажите, любезный Родим Афанасьевич! – горячо возразил профессор. – Не буду убеждать вас, что фундаментальные исследования, не приносящие сиюминутной пользы, крайне важны для развития человеческого знания в целом, все равно не поверите – вы ведь практик до мозга костей, почвенник и добытчик, крепкий хозяин, что вам до абстрактного знания. А вот Александр Михайлович прекрасно понимает, что чем больше проводится изысканий в самых различных областях науки, тем более мощный интеллектуальный потенциал приобретает держава в целом. Император не жалеет денег на неприкладные научные исследования, и нередко это, кстати, совершенно неожиданно приносит живую пользу. К примеру, кто мог предположить, что изучение учеными нашей кафедры особенностей передвижения улиток Бочарова с Эребуса XII позволит разработать оригинальную и весьма эффективную ходовую часть для новых штурмовых танков «Китоврас», способных перемещаться по совершенно непроходимой местности и даже по практически отвесным стенам? А изучение поверхностного покрова костяных акул с Радужной Океании дало возможность разработать такое внутреннее покрытие для трубопроводов, что потери на трение снизились в десятки раз, а скорость обрастания – в сотни. Экономический эффект только от этого одного усовершенствования в масштабах Империи составил почти сто восемьдесят миллиардов полновесных платиновых рублей. А поначалу, когда исследования на Радужной Океании только разворачивались, тоже раздавались возгласы, что мы-де зря расходует государственные средства.

– Ладно-ладно, сдаюсь, – поднял обе руки Родим. – Убедили. – Наполнив водой кастрюлю, он поставил ее на плиту. – Это для грибов. Грибы бесперечь нужно опускать в крутой кипяток, не то не раскроются и аммиаком будут пахнуть. Займитесь, когда справитесь с картошкой, а я пока мяско пожарю.

– Под вашим руководством готов к любой черной работе, – по-флотски, двумя пальцами козырнул профессор.

– А вы забавник, – улыбнулся хуторянин, который совсем уже отмяк и ничем не напоминал того хмурого и нелюдимого бирюка, который встретил их с Никодимом на дворе.

Когда ужин совместными усилиями был готов, хозяин пригласил гостя к столу. Профессор принес из своей комнаты бутылку «Боярской» и медицински точно наполнил две тонкостенные стопки.

– Ну, с прибытием, – провозгласил первый тост хозяин.

Они выпили, крикнули разом. Родим хрустко закусил крепкобоким соленым огурцом, Вельяминов с аппетитом потянул к себе свежесоленную селедочку.

– Хорошая штука, забористая, – одобрил Родим. – Душевная. «Поставщик двора Его Императорского Величества», – с явным удовольствием прочитал он на этикетке, – как же, как же! С уважением. Хотя наша местная однознак не хуже. Тем более что у нас ее чистую и не пьют вовсе, всяк свои настойки делает. Давайте-ка я вам налью, попробуйте. – Он открыл дверцу кухонного шкафчика и извлек из него небольшую пластиковую канистру, на треть заполненную прозрачной жидкостью, слегка окрашенной в благородный медовый оттенок. – Частить не будем! – сразу предупредил хозяин, разливая жидкость по рюмкам. – Ибо напиваться срамота есть и грех пред лицом Господа нашего Иисуса Христа. Давайте-ка сначала картошечки горяченькой с мяском.

Профессор Вельяминов с удовольствием воздал должное великолепной рассыпчатой картошке и жареному мясу, которое прямо таяло на языке. Через некоторое время дошла очередь и до второй рюмки.

– Прекрасно! – восхитился старичок. – Просто изумительно! Пьется, как родниковая вода, и аромат невероятный. Можно даже не закусывать. Из чего вы ее делаете?

– Настаиваем на одной местной травке, – хмыкнул очень довольный Родим. – Но это скорее для аромату. А так – все по вековым дедовским рецептам. Возгонка, двойная очистка, на березовом листу...

– Почему бы вам не продать рецепт в метрополию? – поинтересовался Федор Степанович, удовлетворенно почмокивая и наслаждаясь послевкусием.

– Промышленное производство, однако, невыгодно будет, – пояснил Родим. – Возни много, дорого. Либо надо упрощать рецепт для экономии, а это уже баловство – потеряется весь смак. Если только открыть трактирчик в столице и готовить понемножку, для постоянных гостей, из тех, у кого деньги водятся... Но мне это ни к чему. Не люблю я столицу: шум, гам, суматоха, сплетни и слухи – продыхнуть негде. То ли дело здесь: тишина, благодать, я голови-зор неделями не включаю, и, поверите ли, совершенно не тянет. – Он взял с блюда истекающий сладким паром гриб и начал деловито разламывать ножом полуоткрытые от кипятка хитиновые створки. – Кушайте, не стесняйтесь. Я сам до них большой охотник.

Грибы профессор оценил, и весьма высоко.

– Такое ощущение, что я зря держу дорогого повара, – признал Вельяминов, отложив вилку и с трудом переводя дух после сытной трапезы. – Честно говоря, сегодня вам неоднократно удалось удивить мои вкусовые рецепторы. Казалось бы, за столько лет каких только изысканных деликатесов не попробовал. И на тебе – самые простые ингредиенты, самая простая кухня, а какой эффект!..

– Здоровая все пища, полезная, – степенно согласился Родим. – Натуральная. Для желудка весьма пользительно. – Он неторопливо собрал со стола грязную посуду, остатки еды и раковины грибов отправил в утилизатор, тарелки же отнес в мойку. – Кстати, – произнес он, повернувшись, уже совсем другим тоном, – если вам не сложно, милостивый государь, не потрудитесь ли объяснить, для чего это я вдруг понадобился Второму управлению?

Профессор изумленно вскинул на него взгляд, после чего снял пенсне и от души рассмеялся.

– Ну вы даете, голубчик, – проговорил он, смахивая слезы. – А ведь Александр Михайлович предупреждал меня... Ой! А вы когда-нибудь рыбачили на Эпсилоне Эридана, Родим Афанасьевич?

– Рыбачил, рыбачил, – насмешливо подтвердил Родим, скрестив руки на груди, – только все время попадалась мелочь, и я ее выпускал обратно. Не беспокойтесь, Федор Степанович, я знаю пароль. Или вы на самом деле не Федор Степанович?..

– Видите ли, вы и ошиблись, и нет, – отозвался профессор. – Вельяминов Федор Степанович, точно так-с. И не имею никакого отношения ко Второму управлению. Действительный член Академии наук Его Императорского Величества. И меня в самом деле очень интересует полосатая россомаха и ее повадки. Но у меня к вам, кроме всего прочего, крайне важная миссия. Не скажу, чтобы я был близким другом императора, но один из его знакомцев. Причем из тех, которым он вполне доверяет. Потому иногда нагружает меня некоторыми личными поручениями... Я привез вам послание от Александра Михайловича.

В кухне воцарилась мертвая тишина. Сделав многозначительную паузу, профессор пытливо посмотрел на замершего Пестрецова.

Прошла секунда, две, три. Наконец хуторянин шевельнулся, с трудом прочистил горло.

– У меня нет ключа, – хрипло произнес он.

– Александр Михайлович сказал, что следует воспользоваться ключом вашей последней операции.

– Ах, даже так?.. – Пестрецов бросил на профессора короткий внимательный взгляд. На скулах его четко обозначились желваки, скрипнули до боли стиснутые зубы. – Ну, что ж... Печеный лосось в багряном небе плывет не спеша.

С каждым словом озабоченные морщины на лбу Вельяминова разглаживались все больше и больше, и когда Родим закончил, профессор молча и безмятежно смотрел отсутствующим взглядом в пространство за его правым плечом. Охотник провел ладонью перед глазами гостя – зрачки Вельяминова не отреагировали.

– Извольте начинать, – произнес Родим.

Профессор тут же ожил, выпрямился на табурете. Его согбенный годами позвоночник распрямился, сутулые плечи развернулись. Перед Родимом теперь сидел совсем другой человек – сильный, властный, с военной выправкой и стальным взглядом владыки. В углах рта Вельяминова пролегла глубокая горькая складка, какой не было раньше, – след безмерной усталости от непосильного груза постоянной ответственности, след бессонных ночей и принятых на душу крайне тяжелых решений.

– Здравствуйте, Родим Афанасьевич, – проговорил профессор уверенным, четким голосом. – Если вы сумели вспомнить секретный ключ доступа семилетней давности – значит, это сообщение предназначено вам. Пожалуйста, постарайтесь дослушать меня до конца...

Человек, называвший себя хуторянином Родимом, слушал то, что говорил ему император с лицом профессора Вельяминова, и его собственное лицо приобретало все более и более серьезное выражение. Когда профессор веско произнес: «Это все. До свидания, Родим Афанасьевич» – и замолчал, он на всякий случай выдержал паузу секунд в десять, а затем сказал:

– Хорошо, Федор Степанович. На счет «пять» вы выйдете из транса – легко, спокойно, вас ничто не испугает. Раз... два...

Когда хуторянин дошел до счета «пять», Вельяминов очнулся. Его плечи разом опустились, профессор привычно сутулился, встревоженно глянул на собеседника снизу вверх:

– Все в порядке, Родим Афанасьевич? Похоже, вы слегка озадачены.

– Да, Федор Степанович, большое спасибо, – невпопад ответил тот, потирая ладонью подбородок, причем так, будто на нем уже не было густой и несколько неопрятной бороды. Похоже, сейчас перед профессором сидел уже совершенно другой человек – не тот, который встретил

их с Никодимом на дворе хутора, и не тот, с которым они весьма приятственно опрокинули за ужином пару стопок. – Вы прекрасно справились с заданием. Не обращайтесь внимания.

– Значит, завтра мы с вами идем на росмаху? – повеселел профессор.

– Завтра... – Родим поднял глаза. – Да, завтра идем. Но прошу меня простить, много времени я вам уделить не смогу. Похоже, мне придется кое-куда съездить... Но вы не обижайтесь, я вас сведу с местными охотниками. Они сподмогут. – Он подмигнул, на мгновение вновь превратившись в прежнего хуторянина.

Профессор вздохнул.

– Это вряд ли, Родим Афанасьевич, я уже пытался...

Родим улыбнулся.

– Не волнуйтесь, Федор Степанович, я их уговорю.

И это было сказано так, что профессор тут же повеселел. Ибо однозначно поверил: уговорит. А Родим между тем продолжал:

– А теперь давайте-ка напоследок еще по рюмочке «Боярской». И поведайте мне, бога ради, какие у вас в центре нынче самые свежие закулисные сплетни. Живем тут, у черта на рогах, прости господи, как на необитаемом острове, оторванные от самой необходимой информации...

Глава 2

Шесть дней спустя некий довольно невзрачный на вид, чисто выбритый господин, одетый в среднестатистический костюм и с совершенно обычным чемоданом в руке, неторопливо спускался по эскалатору терминала «W» Альпинского космопорта.

Альпинский космопорт был одним из крупнейших международных транзитных узлов, в котором вечно бурлила жизнь. Он ежедневно пропускал через себя миллионы пассажиров и сотни тысяч тонн различных грузов. Однако терминал «W», как и следовало ожидать, исходя из индекса, был одним из самых дальних и захолустных терминалов космопорта. Он использовался для обслуживания частных и нерегулярных рейсов и ничем не напоминал такие монстры, как терминалы «А», «В», «С», вечно забитые толпами народа, или даже гораздо более скромный «О», с которого осуществлялись внутрисистемные каботажные рейсы. Скорее он был похож на космопорт захолустной аграрной планетки, принимающий корабли, как говорится, раз в год по обещанию. Хотя на самом деле с десятков рейсов за сутки на него все же приходилось.

В это время суток зал ожидания терминала был практически пуст. Скучала за стойкой регистрации девушка в небесно-голубой форме. Тянуло свежеприготовленным кофе со стороны маленькой импровизированной закуской, под которую был отгорожен дальний конец зала. В фонтане, украшавшем центр вестибюля, плескались зеркальные карпы. Изредка распахивались автоматические стеклянные двери, выпуская наружу прошедшего регистрацию пассажира. На диванчиках вдоль стен расположилось человек пять – в ожидании своего рейса они читали, курили, жевали прихваченные из дому бутерброды или просто тупо пялились на большую плазменную голопанель, висевшую над информационным табло. На ней сплошным потоком крутились рекламные ролики – привычная жвачка для мозга обывателя.

Неприметный господин спустился с эскалатора и остановился, видимо, прикидывая, направиться ему прямо к стойке регистрации или сначала заскочить в закусочную – глотнуть дрянного, но все же слегка разгоняющего сонливость кофе. И в этот момент сверху послышался шум. Люди на диванчиках прекратили жевать и обеспокоенно вскинули головы. Девушка за стойкой нервно облизала губы и одернула форменную блузку. И только невзрачный господин никак не отреагировал на внезапно возникшую причину обеспокоенности остальных.

Спустя пару мгновений источник шума показался на соседнем эскалаторе. На движущуюся лестницу шумно, с топотом и выкриками, выкатилась внушительная компания пестро одетых молодых людей. Некоторые были в драных кожаных футболках, некоторые в потертых брезентовых куртках с эмблемами каких-то клубов, играющих непонятно где и непонятно во что, некоторые в модных коротких балахонах с капюшонами, похожих на средневековые монашеские одеяния. Бритая наголо голова одного из них оказалась раскрашена флуоресцентными красками под череп некоего неведомого, но несомненно хищного существа. Двое были в дешевой имитации штурмовых армейских шлемов, украшенных звездно-полосатым флагом и изображением белоголового орлана (рекламно-вербовочный отдел Министерства обороны Соединенных Миров, как всегда, был на высоте), еще один щеголял высокими армейскими ниппонскими ботинками с пневмоусилителями. Почти у всех слезились глаза и покраснели уши – верный признак того, что они совсем недавно закинулись «черным одуванчиком» или какой-то подобной наркотической дрянью. Банда хичеров явно искала развлечений.

Одиноким пассажир окинул подростков безразличным взглядом и равнодушно отвернулся. Но со стороны хичеров раздался обрадованный рев:

– Гля! Деревенщина!

Главарь банды, высокий здоровяк в отделанной переливающимся серебристым материалом куртке и с вытатуированным на виске динозавром, бежавший по эскалатору впереди всех,

внезапно остановился как вкопанный, и вся команда, натолкнувшись на его широкую спину, собралась гармошкой, едва не загремев кувырком по ступенькам. Один из хичеров, похоже, совершенно одуревший от свежей дозы и потерявший всякую ориентацию, пытался продолжить движение, упершись головой между лопаток вожака и перебирая ногами на одном месте; тот развернулся и отвесил идиоту могучую оплеуху, от которой он мигом пришел в чувство.

– Где? – блуждающий взгляд налитых «черным одуванчиком» глаз с трудом сфокусировался на уроде, топчущемся на нижней площадке эскалаторов. – Ага...

Главарь осклабился в довольной усмешке. Ночь, похоже, пройдет не зря. А то он уже готов был сорваться на ком-нибудь из своих. В терминале «С», где они обычно развлекались, отчего-то было полно полиции: наверное, какой-нибудь дурацкий государственный визит. А в терминале «J», куда они забрели, чтобы компенсировать неудачу в «С», как раз сегодня делала пересадку какая-то богатая шишка, поэтому он оказался битком набит частной охраной. Так что их мгновенно скрутили и вышвырнули вон.

И вот наконец удача.

– Деревенщина, говорите? – проговорил вожак, прищурившись. – Деревенщину надо учить, волки! Приезжают из своих заплесневелых... этих самых... будто им тут этим самым намазано! Этими... королями жизни себя чувствуют!.. Это...

– Машины паркуют неправильно, – подсказал кто-то из-за спины.

– Машины паркуют неправильно! – обрадовался главарь. Ему явно хотелось предъявить приезжей деревенщине какие-то более весомые претензии, но в одурманенную голову ничего подходящего не приходило. – И болеют за какие-то эти... – Он шмыгнул. – Сейчас мы его немножко это...

И альфа-доминантный самец рванул вниз по эскалатору, а за ним устремились остальные особи его стаи. При спуске они чудом ухитрились не попадать и не переломать себе ноги. Спустя несколько секунд одинокая фигура пассажира оказалась окружена плотной и злорадно скалящейся толпой.

Пассажиры на диванчиках замерли. В их глазах застыл не только затаенный испуг, но и откровенное любопытство. Еще бы, сейчас перед ними должно было развернуться действие, которое многие из них часто и с удовольствием видели в крайне популярных в демократических мирах шоу «Криминал», «Угон и ограбление» и «Твой сосед убит». Но это по головизору, в монтаже и с комментарием. А тут наяву, вживую, так сказать, на расстоянии вытянутой руки – так, что вонь от давно не стиранных футболок и носков хичеров просто била по ноздрям. Девушка за стойкой округлила ротик и потянулась рукой куда-то вниз. Наверное, там была кнопка экстренного вызова полиции. Но в следующее мгновение ее рука замерла, так и не добравшись до кнопки. Она тоже очень любила смотреть «Твой сосед убит»...

Однако, похоже, на самого пассажира сложившаяся ситуация не оказала того воздействия, которого все ожидали. Вместо того чтобы испуганно замереть, втянуть голову в плечи и начать лебезить, он дружелюбно улыбнулся и спокойно произнес:

– Привет, парни! Дайте пройти, пожалуйста!

Хичеры были несколько озадачены. Реакция этого урода была какая-то неправильная. Но более глубокий анализ мозгам, задурманенным наркотической дрянью, был не под силу. Поэтому ситуация со скрипом двинулась по раз и навсегда отработанному стандарту.

– Непременно, – сказал главарь, не двигаясь с места и глядя мимо пассажира. – Только сначала надо заплатить это... Дорожный сбор.

– Дорожный сбор? – очень удивился пассажир. – Первый раз слышу. Когда же его ввели?

– Сегодня.

Звякнул выкидной нож. Хичер, стоявший справа от вожака, вынул из кармана руку – на каждом пальце у него был массивный свинцовый перстень, и когда он сжимал руку в кулак, как

сейчас, перстни становились увесистым кастетом. Но даже на этот совсем уж недвусмысленный намек странный пассажир не отреагировал должным образом.

– И какова же величина сбора? – поинтересовался он, никак не показав, что заметил нож или кастет.

– Ну, это... если ты не очень богат... – Главарь почесал в затылке. – Сколько у тебя денег?

– В пересчете на местную валюту – семьсот пятьдесят.

– Да! – обрадовался главарь. – Верно! Дорожный сбор составляет ровно семьсот пятьдесят монет. Гони деньги и вали в это... ну, куда ты там валишь, короче. Добро пожаловать на это... на нашу гостеприимную планету, типа.

Хичеры одобрительно заржали. Незнакомец молчал, поэтому главарь хичеров скривил рожу и протянул обе лапы к лацканам его пиджака:

– Ну, ты что, оглох? Давай сюда бабло, и никто это... не пострадает...

* * *

Сигнал о том, что в терминале «W» происходит нечто необычное, поступил на дежурный пульт полицейского управления перед самой пересменкой. Пожилой капрал, только что закончивший обход дальних грузовых терминалов и с облегчением стянувший портупею с парализатором, недовольно поморщился. Он рассчитывал, что теперь ему не придется выходить из дежурки до самой смены, и вот такой облом. Капрал вздохнул, нехотя снова натянул портупею, махнул рукой дежурному и вышел из двери.

Когда капрал вошел в зал ожидания захолустного терминала, челюсть его отвалилась едва ли не до полу. Еще бы! Из десятка великовозрастных балбесов, столь любящих демонстрировать свою крутость на одиноких и небогатых транзитных пассажирах, трое валялись на полу без сознания, а остальные, сцепив руки на затылке, двигались на корточках гусиным шагом вокруг фонтана в центре вестибюля. Достигнув незнакомца, который спокойно восседал рядом с фонтаном на своем обшарпанном чемодане и вкусно, с хрустом и удовольствием грыз яблоко, они разом выпрямились и хором заученно отпрапортовали:

– Господин сердитый пассажир! Праздничный кросс, посвященный трехсотсороковой годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека, выходит на тридцать восьмой круг! Разрешите продолжать движение?..

Пассажир, не отвлекаясь от яблока, милостиво махнул рукой, и молодежь, снова опустившись на корточки, устремила в очередной рейс вокруг фонтана.

– Всем оставаться на местах! – рявкнул полицейский, захлопывая пасть и вытаскивая из кобуры парализатор.

Молодые люди замерли, а пассажир, который как раз в этот момент покончил с яблоком и аккуратно переправил огрызок в урну, широко улыбнулся и приветственно поднял ладонь:

– Мистер полицейский! Как всегда вовремя.

– Что здесь происходит?! – спросил совершенно обалдевший страж закона.

– Мы тут с ребятами решили убить время до рейса и устроили небольшой забег, – любезно пояснил пассажир. – В честь трехсотсороковой годовщины принятия Всеобщей декларации прав человека. Это очень полезно для здоровья и весьма зрело с политической точки зрения. Вы же знаете, демократическая молодежь всегда отличалась зрелой гражданской позицией... Надеюсь, правилами космопорта это не запрещено?

– Не запрещено, – буркнул полицейский и перевел взгляд на лежащих без сознания хичеров: – А это что за дела?

– Это? – улыбка пассажира стала еще шире. – Ребята немного переутомились. Современная молодежь не уделяет достаточно внимания поддержанию здорового образа жизни. Впрочем, это не их вина. Явный недостаток спортивных залов и бассейнов, долгие часы за игро-

выми приставками и телевизором, пагубная привычка к гамбургерам и коле... Ну, не мне вам объяснять.

Полицейский почувствовал, что над ним издеваются, однако формальных причин задерживать эту странную компанию у него не было.

– Ваши документы! – потребовал он после мучительных раздумий.

Станный пассажир извлек из внутреннего кармана паспорт и с преувеличенной почти-тельностью подал его полицейскому.

– Пестретсофф Родим Афанасиевич, – с трудом прочитал тот и поднял брови: – Русский, выходит?.. – Он снова задумался. – Ни черта не пойму. Так что же, эти ребята напали на вас?

– Нет, отчего же, – удивился Пестрецов. – Мы познакомились на эскалаторе, поговорили очень дружелюбно. Они рассказали мне о местных обычаях и налоговой системе.

Полицейский недоуменно перевел взгляд на хичеров, замерших возле бортика фонтана, но так и не поднявшихся с корточек.

– Ничего не понимаю. Тогда, выходит, это он напал на вас?..

Хичеры поспешно и дружно замотали головами: нет, что вы, как можно! С какой стати!..

Страж порядка поразмышлял еще с полминуты, после чего вручил паспорт пассажиру и повернулся к хичерам:

– А ваши документики попрошу?..

– Офицер! – полузадушенно протянул главарь, чья рожа от напряжения, возникшего вследствие крайне неудобной позы, уже стала багрово-синей. – Ну, вы же нас знаете! Не первый раз!..

– Именно поэтому!

– Я прошу прощения, – встрял Родим, – но мне пора на регистрацию. Надеюсь, у вас ко мне нет больше вопросов?

– Идите, идите, – раздраженно махнул рукой полицейский, уже понявший, что разрулить ситуацию, пока неподалеку толчется этот странный русский (а где, скажите, вы видели не странного русского?), вряд ли удастся.

– Благодарю. Удачного дня.

Подхватив чемодан, господин Пестретсофф двинулся прочь от компании хичеров, на чьих рожах тут же нарисовались признаки огромного облегчения.

* * *

Лайнер оказался вполне приличным. Для пассажиров эконом-класса были устроены не только бары и залы игровых автоматов, но даже небольшой зимний сад с лавочками и питьевыми фонтанчиками. Заняв место в четырехместной каюте и забросив чемодан на багажную полку, Родим отправился в ближайший бар, где заказал себе пива, омлет и салат: со всей этой катавасией он не успел перекусить в порту. Только яблочко погрыз... Расположившись за стойкой, он вызвал на монитор свежие новости и начал лениво их прокручивать.

Высокий табурет рядом с ним скрипнул. Сосед Родима, говоривший с американским акцентом, заказал себе пива. Некоторое время он молча сдувал пивную пену, потом развернулся вполоборота к Пестрецову и с присущей большинству его соотечественников бесцеремонностью пихнул того локтем в бок:

– Эй, приятель! Купи комбайн.

– А что, кирпичи уже закончились? – иронически отозвался Родим.

– Какие еще кирпичи? – собеседник был уже изрядно навеселе и оттого соображал туго. – Кирпичами я не торгую.

– Ну, так раньше говорили: дядька, купи кирпич! А теперь, выходит, говорят: купи комбайн?

– Нет, ну если нужен кирпич, я могу устроить. Тебе какое количество нужно?

– Да не нужен мне кирпич, отстань, – усмехнулся Родим. Вот ведь люди эти коммивояжеры: реакция на слово «купи», как у хорошо тренированной собаки на, скажем, команду «Фас» или «Фу», – всегда четкая и однозначная.

– Тогда купи комбайн! – Назойливый незнакомец щелкнул каким-то портативным устройством, напомиравшим портсигар, и на стойке перед Родимом развернулось трехмерное голографическое изображение сложного колесного механизма, который медленно вращался вокруг своей оси. – Смотри, какой красавец! – с гордостью заявил американец, словно своими руками собрал этот самый комбайн. – Автоматический хлопкоуборщик «Атлантис-112». Для фермера штука незаменимая.

– У нас хлопок не растет, – буркнул Пестрецов, снова погрузившись в газету.

– Да им что угодно можно убирать! Допустим, чай. Или плоды шиповника. Гляди, отдам за полцены! А в придачу получишь совершенно бесплатно прелестную автоматическую сноповязалку, оригинальную веревку землемера и два запасных сошника.

– Картошку им можно убирать? – Родим уже откровенно развлекался.

– Да запросто! Только нужна соответствующая насадка, но она входит в комплект. Ну, по рукам? Сейчас я назову цену, и ты упадешь со стула. Дешевле только даром...

– Нет, не по рукам. Не нужен мне комбайн.

– А картошку убирать?

– Я же не сказал, что для этого мне нужен комбайн. Я просто спросил, может ли он это делать. Поддержал беседу, так сказать.

Попутчик задумался.

– Ну, давай тогда просто поговорим, – решил он наконец. – Поддержим беседу. Меня Джим зовут.

– Вольдемар, – представился Родим.

– Ха! Чудное имечко. – Американец пододвинул бармену свою опустевшую кружку: – Видишь? Закончилось. Давай еще раз. – Он снова повернулся к собеседнику. – Видал, как вчера «Красные Демоны» разделили «Черных Дьяволов»?

Родим отрицательно качнул головой.

– Да ты что, это же матч века! – изумился американец. Он неверяще уставился на собеседника, а затем задал вопрос, который, похоже, казался ему совершенно невообразимым: – Да ты вообще стилетбол смотришь?!

– Смотрю, – терпеливо ответил Родим, не отрываясь от электронной газеты. Еще курсантом он освоил умение, которым очень гордился Цезарь: читать, разговаривать и думать одновременно. – Только у нас собственная лига. Без всяких дьяволов и демонов.

– А, – пренебрежительно махнул рукой Джим. – Лягушатники. Или макаронники? Настоящая стилетбольная лига только у нас, у отцов-основателей этого мужского вида спорта. Вот у вас, скажи, за сезон сколько рук и ног ломают?

– Немного, – рассеянно отозвался Родим, думавший о своем.

– А у нас – больше ста! – гордо заявил американец. – В этом сезоне – сто четырнадцать, и сезон еще не завершён!.. – Победоносно посмотрев на собеседника, он вытащил из внутреннего кармана фляжку, воровато оглянулся по сторонам и опрокинул ее в свой бокал.

– Зря, – сказал Пестрецов, покосившись на него. – Свалит с ног.

– Потомка техасских рейнджеров свалит с ног только пуля, – авторитетно заявил Джим, с благоговением наблюдая, как пенится в бокале жидкость из фляги, вступившая в непонятную химическую реакцию с пивом. – Зато быстрее вставит. Твое здоровье, Вольдемар! – Он приподнял кружку, качнул ею в сторону Пестрецова и отхлебнул. На глазах у него тут же выступили слезы, он судорожно закашлялся. – Вот черт! Переборщил...

Родим насмешливо хмыкнул, не отрываясь от новостей.

– Или вот еще у арабов есть своя лига, – поведал коммивояжер, с трудом отдышавшись после могучего глотка. – Слыхал? У этих тупых уродов и фанатиков – собственная лига! Ты представляешь, как они по полю в своих паранджах бегают?! Цирк, честное слово.

– У мусульман мужчины не ходят в парандже, – терпеливо произнес Пестрецов. – И не у всех мусульман женщины носят паранджу. И не все арабы – мусульмане.

– Ага, рассказывай сказки! – отмахнулся американец. – Видел я нескольких в космопорту на Беовульфе. Все тупые уроды и фанатики, как один, без исключения. – Он снова поднял свой бокал, с опаской примерился к содержимому. – И Беовульф мне совсем не понравился. Немцы – жадины и педанты. И тоже тупые уроды все. Только пиво у них неплохое, что да – то да. А людишки – дерьмо, хрень. И головидение у них отстойное, потому что каким еще оно может быть у немцев? И город дурацкий – всякие резные финтифлюшки, памятники дурацкие, мосты цельнокаменные. Древность и плесень, никакого прогресса. – Отхлебнув, он вновь с трудом перевел дух. – Но черт с ними: их еще можно терпеть. Они, по крайней мере, знают американский язык и с должным почтением относятся к правильной валюте. А вот русские – это же полная гуманитарная катастрофа! – Джим доверительно склонился к уху Пестрецова: – Хуже nipponцев! У тех хотя бы демократический строй. А у русских – император! – Он поднял палец вверх и снова пихнул Родима локтем в бок. – Император, Вольдемар, понял?!

– Да ну? – удивился собеседник. – Неужели в самом деле император?

– Точно тебе говорю! – оживился американец. – Дикий, варварский народ, тысячелетние традиции рабства! И знаешь, какой у этого тирана рейтинг в Империи? Девяносто два процента, и это в то время, когда ни у одного из американских президентов за последние сто лет недотягивало до сорока! Можно ли поверить, что это действительно неподтасованное мнение простого народа?

– А я слышал, что рейтинговые исследования проводил как раз ваш институт Гэллапа, – напомнил Пестрецов, переворачивая страницу. – Самим русским они как-то по барабану.

– Вот именно! – возмутился Джим, со стуком поставив кружку на стойку. – Это не просто подтасовки, они реально так думают! Девяносто два процента населения согласны жить в ярме, вот что страшно! В ярме и совершенно неэффективном обществе. Слышал, на Светлом Владимире население докатилось до того, что собирает траву за городом, только чтобы не умереть с голоду?

– Неужто траву? – развеселился Родим. – Бедные! О том, что местные растения хороши в качестве приправы и население их охотно добавляет в пищу, – слышал. Но вот чтобы люди ели только эту траву – для меня большая новость.

– На прошлой неделе по голо показывали, – снисходительно пояснил Джим. – Я посмотрел передачу, вообще ужаснулся: кругом грязь, разруха, все серое и скучное. Представляешь, целая улица – и ни одного рекламного щита! Да и откуда взяться нормальным рекламным щитам, сетевым закусочным и вообще сопутствующему демократии достатку, когда в Имперском уголовном уложении, например, существует статья о биржевых спекуляциях? А ведь всем известно, что биржевые спекуляции – это важнейший инструмент финансового рынка. Как же можно за это судить?!

Рассвирепевший Джим в сердцах пнул основание стойки, заслужив неодобрительный взгляд бармена. Пестрецов наконец отвлекся от новостей и задумчиво смотрел на собеседника.

– Совершенно нецивилизованный подход к законам! – продолжал разглагольствовать тот. – К тому же всем известно, что государство – собственник неэффективный. И если ему подобным образом не указывать регулярно на проблемы и дыры в законодательстве, то оно так никогда и не почешется. Или такой пережиток темных времен, как личные вассалы императора. Люди, по существу, никакому закону не подсудные и отвечающие за свои действия только перед хозяином. Это что еще за неприкасаемые?! В цивилизованном обществе перед законом все равны – хоть ты миллиардер, хоть король, хоть сантехник! Будь я на месте русских, давно

сверг бы узурпатора и посадил бы на электрический стул или на эту, как ее... на гильотину! Ну, как в Средневековье, когда они свергли этого живодера – то ли Путина, то ли Распутина...

– Да, очень любопытно, – флегматично заметил Родим. Он уже покончил с едой и теперь допивал пиво. – Когда прилечу на Светлый Владимир, непременно расскажу нашим, что они едят траву и на улицах у них грязно. Думаю, хохотать будет полстолицы.

Джим побледнел и застыл с открытым ртом. Потом потянулся за своим бокалом, но, так и не отхлебнув, снова поставил его на стойку.

– Ты это... – сипло произнес он, не глядя на Родима. – Так ты, выходит, русский?..

– Ага, – кивнул Пестрецов. – Только почему-то знаю английский. И немецкий тоже знаю. И интерлингву. А траву ем только в салате, и вовсе не из-за боязни умереть от голода. И не хожу в медвежьей шкуре. И, страшно сказать, регулярно чищу зубы.

– Ну, ты же понимаешь, что я не имел в виду ничего такого! – с некоторой натугой, но по-прежнему азартно взялся пояснять американец. – Люди-то разные бывают! Одни траву едят, другие три языка знают... Да и глупости это все про траву, дурацкая пропаганда. Русские вообще отличные парни! Я с вами регулярно пересекаюсь в рейсах. С вашими выпить можно отлично, поболтать как следует, то-се... Да и император ваш вполне ничего, за своих подданных кому хочешь горло перегрызет, невзирая ни на какие законы и международные нормы. Молодец! Вон международный суд на Розовой Гааге так и щелкает зубами после того случая с грузом циркония! – Американец хохотнул, поскольку Соединенные Миры также не признавали юрисдикцию розовогаагского суда, и в этом он был стопроцентно солидарен с политикой Империи. – Зато русских не трогают никакие террористы или там борцы за свободу, себе дороже выйдет. Это по-нашему, по-техасски. И сами вы себя в обиду не даете, и вообще с вами считаются все...

Родим молча кивал, допивая пиво. Затем отставил пустой бокал и, отодвинув высокий стул, направился в оранжевую. Джим за его спиной все еще продолжал оживленно бормотать, припоминая положительные моменты своего общения с русскими, однако Пестрецов уже забыл о его существовании.

Опустившись на скамейку под цветущими магнолиями, Родим глубоко задумался. У него из головы не шло послание императора, которое передал ему профессор Вельяминов. Оно начиналось словами: «Лейтенант, мне нужна ваша помощь...»

Возвращаясь через полчаса в каюту через бар, он заметил своего давешнего соседа по стойке, сидевшего в компании изрядно поддавших мужиков, по виду типичных бургеров. Совершенно пьяный продавец комбайнов громко возглашал:

– Ну их в задницу! Абсолютно дикий народ. За своего императора любому глотку перегрызут. То ли дело мы – цивилизованные люди. Я, когда был у вас на Беовульф, ходил и только восхищался. Ходил и восхищался! Изумительная архитектура, прекрасная кухня, и люди очень душевные и щедрые...

Презрительно усмехнувшись, Родим вышел в коридор.

Глава 3

На улице падали хлопья синего снега.

Стоя в застекленном вестибюле космопорта с чемоданом в руке, Родим Пестрецов с любопытством смотрел на улицу через раздвижные двери. За дверями была самая настоящая, хотя и сюрреалистическая метель – ярко-синий снег сыпался с неба, закручивался в спирали, мел поземкой по растрескавшимся плитам подъездной дороги, однако таять отказывался наотрез, несмотря на то, что снаружи было не меньше тридцати градусов выше нуля и высокая влажность. По площадке перед выходом из космопорта медленно проехал механический уборщик, сгребая неровные кучи снега в высокие сугробы.

– Это у вас всегда так? – поинтересовался Пестрецов у охранника на выходе.

– Не-е-е-ет, – лениво отозвался тот. – Кандава цветет. Не бойтесь, она безвредная. Через пару дней уже облетит вся.

Пожав плечами, Родим вышел под синий снег, оказавшийся совершенно сухим, теплым и невесомым. Метрах в сорока от входа под потемневшим пластиковым навесом стояло полтора десятка старых водородных автомобилей самого экзотического вида, рядом с которыми сучали водители в потрепанных футболках. Туда Пестрецов и направился.

Навстречу ему из-под навеса выбрался пожилой здоровяк в бейсболке, необъятное пивное брюхо которого было обтянуто футболкой с надписью «Вся еда поступает сюда».

– Нужна машина, браток? – поинтересовался дядька, покручивая на пальце брелок с ключами.

– Да, – кивнул Родим. – Мне надо в бар «Три веселых сучки».

Здоровяк пристально посмотрел на него, снял с головы бейсболку и тщательно отряхнул ее о колено, счищая хлопья загадочной кандавы.

– Никто не поедет, – произнес он, приведя головной убор в порядок и снова водрузив его на голову. – Может, куда-нибудь в другое место?

– Мне нужно именно туда, – сказал Родим. – А что, у вас в профсоюзе слишком крепкие нравственные устои?

– У нас в профсоюзе слишком хорошо развит инстинкт самосохранения, – хладнокровно пояснил дядька. – Твои «Сучки» находятся в Инфернусе.

– Нет, вы ошибаетесь, они здесь, в этом городе, – возразил Пестрецов. – Знаете, на северной окраине...

– Да в этом, в этом городе, – оборвал его водитель. – Только в Инфернусе. В зоне свободного ведения огня.

– О, – уважительно качнул головой Пестрецов. – Вон что.

– Ага. У нас на планете и так-то беспокойно, как-никак бывшая пиратская республика, а в районах вроде Инфернуса вообще труба. Местные банды непрерывно воюют между собой, в этот котел даже полиция боится соваться. Подобьют из ручного гранатомета, не успеешь и ста метров проехать. – Здоровяк вздохнул. – Слушай, браток, зачем тебе эти «Сучки»? Если хочешь славно отдохнуть, я тебе в Верхних кварталах десяток отличных стриптиз-баров посоветую. Скажешь, что от Пузатого Сэма, тебе еще скидку сделают. А?

– Нет, спасибо. А как вы, ребята, посмотрите, если я заплачу два номинала? Мне нужно именно в «Сучки».

– Ступай пешком, уважаемый.

Глава местных таксистов безразлично развернулся и ушел обратно под навес, оставив Пестрецова с чемоданом в руках у входа в космопорт. Родим с сомнением посмотрел ему вслед. Либо таксисты здесь были избалованы обилием клиентов и огромными чаевыми, либо поездка в загадочный Инфернус действительно пугала их настолько, что за такое дело никто не брался.

Тем временем под навесом развернулась оживленная дискуссия. Похоже, предположения его собеседника не слишком оправдывались. Родим поставил чемодан на выщербленный асфальт, уселся на него сверху и достал из кармана яблоко. Дискуссия была бурная, но его участвовать в ней не пригласили. Значит, надо было спокойно дожидаться результатов. Раз не можешь повлиять – наберись терпения и жди. Тем более что в запасе у него было яблочко, а яблоки он очень любил.

Наконец из-под навеса вынырнул крепкий парень лет тридцати в кожаной безрукавке на голое тело и когда-то черных, а теперь вытертых до белизны джинсах. Из-под распахнутой безрукавки мерцал вытатуированный безвредным синим фосфором саблезубый тигр. Вслед водителю полетела пустая пивная банка, но он не обратил внимания на такие пустяки.

– Это тебе надо в Инфернус, ман? – поинтересовался он, приблизившись к Пестрецову.

– Если бар «Три веселых сучки» в Инфернуса, то туда, – согласился тот.

– Понятно, – пробормотал таксист. Изучающе разглядывая клиента, он задумчиво потирал ладонью скрипящую щетину на подбородке. – Короче, так! – решил он наконец. – Четыре счетчика, и я не отвечаю за твою безопасность. Идет?

– Не многовато ли? – удивился Пестрецов. – Хотя бы три.

– Четыре, – отрезал водила. – И то только в том случае, если ты умеешь пользоваться плазмометом.

– Приходилось... – На этот раз очередь задуматься пришла потенциальному пассажиру.

– Думай скорее, – произнес таксист. – Больше все равно никто не поедет.

– Ладно, едем.

– Вот и отлично! – разом повеселел водитель. – Можешь называть меня Кувалда, ман.

– А ты можешь называть меня Леопольд.

Кувалда провел Пестрецова к своей машине, стоявшей на краю стоянки. Это был старый и внушительный «бигфут» марки «Безумный Макс-209» с дополнительно приваренным массивным танковым бампером, толстыми решетками на окнах и металлической сеткой на бортах, явно установленной против кумулятивных гранат. Над багажником торчал в небо ствол тяжелого армейского плазмомета. Пушка была французской, фирмы FAN, калибр «трубы» – восемь сорок семь. Вообще-то изрядное старье, но Родим и не ожидал встретить в этой дыре последние новинки с MilitariEXPO или ежегодной оружейной выставки в Кухумаху. Впрочем, скорость и плотность выбрасываемого заряда была у этой штуки вполне достойной. Если только преобразователь не слишком перегревался. Хотя на это, исходя из ее внешнего вида и, так сказать, географического расположения, особо рассчитывать не приходилось.

Передняя дверца с водительской стороны была украшена тремя аккуратными круглыми сквозными отверстиями. На капоте машины распластался отполированный буйволиный череп, треснувший посередине. Судя по всему, водители вовсе не дурачили наивного пассажира, повествуя об опасности поездки в Инфернус.

– Садись, брат Лео! – радушно пригласил Кувалда, распахивая перед Пестрецовым заднюю дверцу. – Домчу за полчаса. Правда, будет трясти и иногда станет пахнуть жареным. – Он радостно ухмыльнулся.

Родим забрался на заднее сиденье. В спину ему тут же уперлась гашетка плазмомета, и он сдвинулся левее.

– Славная машина, – осторожно оценил пассажир. – Только сильно большая, сейчас таких уже не делают. Не слишком много топлива жрет?

– Ничего, – отозвался таксист, плюхаясь на водительское сиденье и захлопывая переднюю дверцу. – Зато при столкновениях лишняя масса очень даже не мешает.

Он завел машину. «Безумный Макс» приподнялся над дорожным покрытием и рванул с места так, что Пестрецова вдавило в потертую спинку сиденья.

– Чего ты забыл-то в этих дурацких «Сучках», ман? – поинтересовался Кувалда, стремительно выкручивая руль. Взревывая мощным мотором и едва вписываясь в повороты, «Макс» на скорости вырулил со стоянки и по раздолбанной дороге, проложенной среди пустыни, бешено устремился к горизонту. Водителю приходилось кричать, чтобы перекрывать шум мощного двигателя. – Устроился бы сначала в отель, чудила!

– Жениться хочу! – проорал Родим, которого мотало на крутых виражах из стороны в сторону. – Девушка у меня там! Не терпится увидеться поскорее.

– А... – Судя по всему, такое объяснение Кувалду вполне устроило. – Бабцы в стриптизе что надо, это уж точно, ман. А ты молоток, Лео!

Пустыня расстилалась во все стороны, сколько хватал глаз. Только она была не желтая, не белая и не красная. Она вся была засыпана трепещущими на ветру сугробами синего снега, словно сделанными из мыльной пены. Где именно цвела загадочная кандава, было совершенно непонятно, но ее назойливый пух разлетался повсюду.

– Красиво у вас тут! – прокричал Пестрецов.

– Да ну, брось. Пепелище!

Вскоре Родим убедился, что водитель во многом прав. Все чаще по обочинам начали попадаться закопченные остовы машин. Один «Хаммер» был подбит по всем правилам полевой тактики – прямым попаданием из «каракурта» в топливный бак, таких характерно развороченных бортов Пестрецов в свое время насмотрелся достаточно. В одном месте в пустыне недалеко от дороги когда-то вообще разгорелась самая настоящая битва; Родим насчитал полдюжины единиц искореженной техники, среди которой даже с удивлением различил полицейский бронетранспортер.

– Видал? – с гордостью поинтересовался Кувалда. – Совсем озверели, отъехали от трассы всего метров двести. Торопыги. Немудрено, что их тут копы накрыли. Обычно серьезные ребята для таких терок уезжают подальше в пустыню. Предпочитают интим, понимаешь! Пацанские стрелки – дело деликатное, ман...

Он вдруг резко ударил по тормозам, и Родим со всего размаху врезался в спинку водительского сиденья. Воспользовавшись короткой передышкой, пассажир попытался обнаружить возле себя хоть что-нибудь, напоминающее ремень безопасности, но так ничего похожего и не нашел.

Между тем водитель, навалившись грудью на руль, пристально разглядывал поднимающийся из-за дальних барханов жирный столб черного дыма.

– Черт, – с сожалением проговорил он. – Похоже, Рыжая Лошадь вляпался. Он минут за двадцать до меня ушел по трассе. Погано! – Кувалда вынул из бардачка гарнитуру древнего переговорного устройства, какие использовали еще первопроходцы, нажал тангенту, покрутил ручки настройки: – Але, Рыжая Лошадь! Лошадь, мать твою! Земляк, скажи, что у тебя все нормально! Отзовись, дурень!.. – Выждав несколько секунд, он пожал плечами. – Нет, вляпался Рыжая Лошадь, факт. Вечная память. Папа Юп со своими людоедами совсем озверел, – пояснил он Родиму. – За две недели сжег три наши машины. Нет, мы его, конечно, рано или поздно намотаем на бампер, когда наши из южных районов подтянутся, без вариантов. Но нам с тобой надо сейчас что-то решать, ман. По трассе дальше нельзя, выпотрошат.

– Будем возвращаться? – поинтересовался Родим, тоже разглядывая столб дыма.

– Еще чего! – возмутился Кувалда. – Ты мне четыре номинала обещал, ман! Что, как запахло жареным, так сразу и в кусты, городской пижон?!

Пестрецов не нашелся, что на это ответить.

– Ладно, – проговорил Кувалда, кладя руки в кожаных перчатках с отрезанными пальцами на руль. – Несколько оптимизируем маршрут. Уважаемые пассажиры, просьба пристегнуть ремни безопасности, взлетаем...

Уважаемый пассажир не успел раскрыть рта, чтобы пожаловаться на отсутствие этих самых ремней, – внезапная перегрузка ускорения швырнула его назад и вдавила в сиденье. Резко сорвавшись с места, «Макс» покинул трассу и устремился в пустыню. Несколько мгновений спустя несчастный Пестрецов осознал, что на самом деле все, что было до этого, вполне можно считать нормальной ездой. Ад начался теперь.

Машину трясло и подбрасывало на бездорожье так, что пассажира швыряло по всему салону. Кое-как втиснувшись в угол и упершись ногами, Родим обезопасил себя от дальнейших синяков, но теперь его размеренно стучала по предплечью турель плазмомета. Он уже собирался попросить водителя сбросить скорость, когда тот вдруг прорычал:

– Ма-а-а-а-ать твою!..

Бросив взгляд в зарешеченное боковое окошко, Родим увидел, как над гребнем соседнего бархана показались человеческие фигуры в драных песчаных камуфляжах. Впрочем, за бойцов регулярных воинских частей признать их было трудно: все они были без защитных шлемов, с нелепыми нашивками и заплатками разных цветов на локтях и коленях, в разномастных ботинках и перчатках, как у Кувалды. И в руках у них были громоздкие металлические штуки, в которых Пестрецов с изумлением опознал самодельные ручные разрядники.

– Лео! – взревел Кувалда. – К оружию, ман! Это людоеды Папы Юпа!!!

Последняя фраза была выкрикнута с таким отчаянием, что пассажир без дальнейших вопросов, разом развернувшись и втиснувшись между спинкой переднего сиденья и плазмометом, ухватился за рукоятки орудия, хотя и был уверен, что с такого расстояния разрядник, тем более самодельный, никак не сможет пробить борт машины.

Световой всплеск на склоне бархана, оглушительный визг и песок, вспучившийся от нестерпимого жара бурлящей стеклянной лужей почти под самым днищем «Макса», убедил Родима, что за плазмомет он ухватился не зря. У кого-то из пустынных рейдеров имелось куда более серьезное оружие.

Шарнирная турель давала весьма широкий угол обстрела, виртуальный прицел позволял стрелку не егозить вслед за стволом по всему заднему сиденью, а система автоматической компенсации вибрации надежно удерживала захваченный целеуловителем объект в рамке прицела. Оружие Кувалда приобрел себе держаное, но весьма неплохое, не поспешил. Приникнув к прицелу, Пестрецов щедро полил атакующих плазмой. Двое бандитов кувыркнулись с бархана, разорванные и обугленные от пояса до горла, остальные бросились врассыпную, однако огня не прекратили. Длинная разветвленная молния хлестнула по корпусу машины, но электрический разряд по стенкам стек в землю, не причинив вреда ни ходовой части, ни сидевшим внутри машины людям. Ругаясь в голос, Родим развернул плазмомет и снял еще одного стрелка, который попытался обстрелять их со склона соседнего песчаного холма. Мощный заряд пробил бандита навывлет, и тот тут же вспыхнул как спичка.

– Хорошо стреляешь, ман! – проорал Кувалда, вращая руль с такой скоростью, словно хотел открутить его с рулевой колонки. – В армии служил?

– Компьютерные игрушки люблю, – сообщил Родим, выцеливая очередного противника.

Следующая очередь канула впустую: атакующие успели попрятаться в песчаных впадинах и дюнах. Пестрецов развернулся к лобовому стеклу – и как раз вовремя, чтобы заметить вывернувшую из-за высокого бархана впереди и понесшуюся им наперерез открытую машину, собранную из узких металлических труб. Стекол в машине не было – судя по тому, как легкий драндулет подпрыгивал на неровностях почвы, ему уже не раз доводилось переворачиваться, поэтому неведомые конструкторы максимально обезопасили свою странную модель от возможных поражающих факторов. В машине находились четверо камуфляжных: один сидел рядом с водителем, а еще двое ехали, стоя на подножках и вцепившись с обеих сторон в металлические трубы на крыше.

– Не пытайся таранить! – крикнул Пестрецов. – Они в последний момент выпрыгнут, а мы налетим на их телегу и перевернемся к чертовой матери!

– Не учи ученого, ман! – радостно проорал в ответ Кувалда. Вынув из бардачка небольшой пульт от головизора, он принялся одной рукой манипулировать кнопками, другой не забывая вертеть руль.

То, что Родим возле космопорта принял за дополнительные воздухозаборники по бокам машины, оказалось портативными ракетными установками. С оглушительным шипением ракета вырвалась из левого «воздухозаборника» и устремилась в направлении бандитского автомобиля. Поняв, что дело плохо, людоеды поспешно развернули свой драндулет и рванули в пустыню, но ракета сместилась вслед за ними: похоже, Кувалда управлял ею из кабины своего автомобиля. С жалобными воплями бандиты начали на полном ходу спрыгивать с машины в песок. Водитель выпрыгнуть не успел: ракета догнала заваливающуюся набок пустынную машину, когда он еще только бросил руль и приготовился сигануть ласточкой в ближайший бархан. Мощный взрыв превратил их вместе с автомобилем в один ослепительный огненный шар. Развернувшись к плазмомету, Пестрецов одиночным выстрелом снял одного из спрыгнувших с машины людоедов, неосторожно поднявшего голову над дюной.

Больше такси Кувалды никто атаковать не пытался. Сделав огромную петлю и оставив за холмами столб дыма, таксист снова вырулил на трассу и погнал по ней, еще увеличив скорость, – хотя десять минут назад Пестрецов готов был бы держать пари, что это невозможно в принципе.

– Але, народ! – проорал Кувалда в гарнитуру устройства связи, не отрываясь от управления. – Ребята, у меня тут Папа Юп выполз! На шестнадцатом километре! Ага, разберитесь... Мы с пассажиром полдесятка гоблинов положили... Ага, понял. Не, я объехал, а вот Рыжая Лошадь, похоже, вляпался... Ага, тоже не могу связаться. Ну, давайте. Хорошо, понял!

– Почему вы его зовете Папой? – поинтересовался Пестрецов.

– Потому что он в самом деле папа! – заржал Кувалда. – А все эти людоеды – его дети! Говорят, он когда-то был знаменитым пиратом, и звали его тогда Палач Юп. Но потом явились федералы, и пиратам пришел конец. Большинство просто сдохло, кого-то захватили, а Папа Юп вывернулся – симитировал свою смерть, а сам, как потом выяснилось, спрятался в пустыне. Оборудовал там логово из обломков и мусора, нашел себе женщину, выжившую после бомбардировок, и настругал с ней кучу детишек, из которых и сколотил новую банду. Что они жрали, пока безвылазно жили в пустыне, – неизвестно, наверное, друг друга. А потом им стало там тесно, и они выбрались на трассу.

– Когда же он сумел? – удивился Родим. – Пиратов ведь не больше десяти лет как разгромили.

– Ты не смотри, Леопольд, что они такие здоровые! Это мутанты. Им и по десяти лет нет. Они растут как на дрожжах, правда, тупые, как пробки, но атакующую массовку изобразить способны. А пока они отвлекают внимание, Папа Юп лупит из плазмомета. И на лицо они жуть какие страхолюдные. Издали не видно, ман, а я пару их трупов видел вблизи, так веришь – сблевал!

– Что же вы их до сих пор не повыбили с такой техникой? – поинтересовался Родим. – Вывести в поле три машины с плазмометами – и амбец Папе.

– Прятаться горазды, сволочи, – вздохнул Кувалда. – И наших пока еще соберешь – эти уже шасть и в пустыне. А потеря полудюжины уродов при нападении на машину не слишком отражается на их общей численности. Говорят, Мама Юп печет их как блины, по пять штук в неделю. Она сама мутант, в ней четыре центнера весу. Если верить слухам, Папа держит ее в подвале растянутой на четырех цепях, а то она жрет новорожденных мутантиков.

– Интересно живете, – хмыкнул Родим. – А что власти? Не планируют найти логово Папы Юпа и выжечь его?

– Да ну, брось, – отмахнулся водитель. – Какие еще, к дьяволу, власти? Пока тут пираты командовали – была какая-то власть, а как федералы их вычистили, все и кончилось. Федералам эта планетка на хрен не нужна: ресурсов кот наплакал, климат – дерьмо, да еще эта синяя гадость... Так что они разнесли тут все и быстренько убрались восвояси.

– Что, вот так просто и убрались?

– Да нет, – хмыкнул Кувалда, – сначала, конечно, провели демократические выборы. И мы, совершенно демократически, избрали себе в мэры Клода Убуа. – Кувалда скривился, а потом не удержался и зло сплюнул в приоткрытое окошко.

Родим ждал продолжения. Кувалда некоторое время ехал молча, но потом все же продолжил:

– Так что теперь банда Убуа называется полицией и носит форму, ман.

– А почему мэра, а не президента?

– Так здесь ведь только один город, один на всей планете. В других местах были только пиратские базы. И там теперь только большие воронки... Ну, и еще совсем уж мелкие поселения. А сюда пираты прилетали развлекаться да сбывать трофеи. Ну и получить какой-нибудь груз или оборудование, доставленное по официальным каналам. С того планета и жила. А теперь ничего нет...

– И что же, полиция... то есть боевики Убуа – они вообще ничего не делают?

– Ты имеешь в виду то, чем положено заниматься полиции? – Кувалда пожал плечами. – Да нет, делают. Соблюдают правопорядок. Но только на территории Убуа. Или для тех, кто ему платит. Или за хорошие деньги. Очень, скажу тебе, хорошие... А мы независимые и под мэра ложиться не желаем. Ему только дай палец – оттяпает всю руку по самые колени... Ну, а денег, чтобы профинансировать полицейскую спецоперацию, у нас нет. Лучше самим попробовать. Сейчас вон ребята подъедут с космопорта и попытаются покрошить Папу Юпа в капусту. Только ведь опять уйдет, скотина...

– Денег у вас нет, – с неудовольствием заметил пассажир, внезапно обратив внимание, с какой бешеной скоростью мелькают цифры в окошечках счетчика на приборной панели. – А такого безумного тарифа мне еще ни на одной планете не попадалось.

– Э, брат! – забеспокоился Кувалда. – Если ты неплатежеспособен, давай лучше сразу вернемся в космопорт, тебе меньше отрабатывать придется. Хорошие стрелки нам нужны, конечно, так что бить мы тебя не станем и кормить будем терпимо, ман, но все равно в рабстве у нашего брата-таксиста не сахар. Как и во всяком рабстве.

– Есть у меня деньги, езжай давай, – проворчал Пестрецов. – Только я не пойму, чем вы тогда отличаетесь от пустынных бандитов. Разве что не обстреливаете жертву предварительно да вроде не мутанты с виду.

– Ну, Лео! – широко ухмыльнулся водила, на мгновение обернувшись через плечо. – А ты думал, пиратов отсюда выбили, и сразу настала райская жизнь? Ага, щас. Здесь вся инфраструктура под них заточена, ман, здесь все население десятилетиями их обслуживало. Думаешь, старые навыки так просто исчезают? – Он покачал головой. – Да нет, ты не пугайся, у нас все честно, но если нас пытаются кинуть, мы вынуждены наказывать. Слишком много желающих. Тут иначе и дня не проживешь. А что денег много берем... Так тут все дорого, брат. Все привозное, практически ничего не производится. Опять же за стоянку плати, крыше плати, Соединенным Мирам плати, ман. Знаешь, сколько набегает? По-хорошему, следовало бы разогнать весь местный сброд по галактике, а планету закрыть к чертям. И пусть Папа Юп с детишками жрут друг друга в пустыне. Но нет, не выйдет: народишко уже прикипел к этим пескам, опять же после пиратов уже кое-как устроился, в себя приходить начал, а на других планетах куда девать такую ораву дармоедов? То-то же...

Вскоре над горизонтом показались прямоугольные серые башни города. У въезда в город на обочине стоял полицейский вездеход, возле которого маялся в жидкой тени облеплен-

ный цветом кандавы блюстителю порядка. Кувалда притер свой «Безумный Макс» к обочине позади него, остановился, вылез из машины и направился в сторону полицейского. Перебросившись с ним парой слов, водила постучал в окошечко вездехода. Оно опустилось, таксист что-то сунул туда, дурашливо козырнул двумя пальцами и вернулся к своей машине.

– А ты говоришь, дорого, – произнес он, снова выруливая на трассу. – Опять шакалы тариф подняли...

Город производил удручающее впечатление. На въезде их встретили полуразрушенные дома, огромные ямы посреди дворов, пустые глазницы окон – после бомбардировки никто даже не попытался ликвидировать ее последствия. Ближе к центру город понемногу начал оживать, замелькали разноцветные вывески и витрины, стали появляться недавно отремонтированные дома. Однако когда такси миновало круглую площадь с памятником какому-то бородатому военному в центре и с серыми небоскребами по краям, состояние окружающих домов и дороги вновь начало стремительно портиться. Вместо урюмых, но прилично одетых граждан, попадавшихся на центральных улицах, замелькали уродливые бомжи, одетые в неопишемые лохмотья, группы малолеток, под футболками у которых натренированный взгляд Пестрецова привычно определял очертания крупнокалиберных стволов. Где-то впереди, за домами, бахнул одиночный выстрел, и тут же отозвалась пронзительным визгом очередь из плазмомета.

– Инфернус, – вполголоса произнес Кувалда. – Смотри по сторонам, Лео, я могу и не уследить...

– А где же граница? – удивился Пестрецов. – Где колючая проволока, вышки, прожекторы и КПП?

– Нету никакой границы, ман, – пояснил водитель, выкручивая руль. – Пацаны живут по строгим понятиям. Сразу как ушли федералы, Убуа попытался наложить лапу на весь город. А кое-кто из крутых ребят захотел откусить кусок у самого мэра. Но у него всегда была самая сильная банда. А после выборов он еще и подгрел под себя все оснащение, которое федералы передали местной полиции. Так что две недели тут шли жуткие бои. Полгорода рвануло в пустыню, и у ребят Папы Юпа, надо думать, наступил праздник живота. Убуа порвал почти всех и подмял весь город, кроме Инфернуса, но понес такие потери, что решил не штурмовать мятежный район, а предпочел договориться, тем более что местные банды уже не представляли для него опасности. Здесь всегда селился самый безбашенный народ, постоянно грызущийся между собой, так что крупных банд, которые могли составить мэру серьезную конкуренцию, здесь отродясь не было. Так, падалышки, правда, много о себе мнящие... Но зато если бы Убуа сюда сунулся, в него палили бы даже кошки и крысы. Потому что даже они здесь ходят с оружием...

Кувалда оскалился.

– Так что наш уважаемый мэр пообещал, что не станет вмешиваться в дела банд, но только в одном районе города. За это местные обещали не распространять свое влияние на остальной город – там денежки собирает полиция. Инфернус объявили зоной свободного и уголовно ненаказуемого ведения огня, после чего банды занялись друг другом, а власти – своими делами. Теперь те и другие почти не пересекаются, но местные крестные отцы хорошо понимают, что если они разозлят Убуа, тот уже не остановится ни перед чем. Поэтому никакая граница не нужна: если какие-нибудь отморозки попытаются нарушить договор, их уничтожат свои же, чтобы не ввязываться в гораздо более кровопролитные разборки...

– За нами уже четыре квартала две машины едут, – внезапно прервал его Родим, поглядывая в заднее окошко.

– Ага, вижу...

Кувалда вдруг резко вывернул руль, одновременно ударив по газам. И тут же позади них раздался оглушительный взрыв и с тихим шелестом осыпался угол заброшенного здания, выходявшего в переулок, в который они свернули.

– Лео! К плазмомету, ман! – проорал таксист.

Пестрецова не было смысла подгонять: он уже занял позицию за орудием, широко расставив ноги и заклинив себя на заднем сиденье, чтобы не швыряло по всему салону.

Один из преследователей на темно-синем, неоднократно битом «Хамлете» на полной скорости пролетел мимо переулка, в который так неожиданно свернул «Макс» с двумя лохами, но другой, на черном полуспортивном «Лемере» тридцать лохматого года выпуска, плотно повис у них на хвосте. Переулок был узким, из-под колес «Макса» с пронзительными воплями выпрыгивали худые ободранные коты, усиленным бампером машина с грохотом сносила мусорные баки и баррикады из пластиковых ящиков под стенами домов. Из редких окон иногда раздавались гневные вопли местных жителей, один раз по крыше «Макса» ударила выпущенная с верхних этажей пуля. Родим держал преследователя в прицеле, но стрелять не рисковал: шар плазмы вполне мог зацепить какой-нибудь мусор сразу по вылету из «трубы», и тогда рвануло бы так, что могло повредить и их машину. Вылетая из переулка, Кувалда чиркнул правым крылом по кирпичной стене, оставив на ней чешуйки автомобильной эмали.

Переулок вывел их на набережную неширокой реки, с другой стороны ограниченную серыми фабричными корпусами. Выжимая из двигателя максимум, таксист с ускорением погнал по узкой полосе асфальта, каждую секунду рискуя проломить хлипкое ограждение набережной и ухнуть с высоты в мутную, покрытую масляными пятнами воду.

– Они нас не загонят в тупик? – крикнул Родим.

– Посмотрим! – отозвался Кувалда. – Выбора у нас все равно нет!

Преследователь вырвался из переулка на оперативный простор, и Пестрецов тут же полил его плазмой, раскрошив ему левую фару и снеся полкрыла. Бандиты ответили длинной очередью, которая вздыбила асфальт слева от «Макса».

– Если у них тоже есть ракеты, нам хана, – хладнокровно констатировал Родим.

– На черта им превращать нас в головешки? Им нужна машина и то, что из нее можно забрать! – прокричал водитель. – Они будут нас гнать, пока не загонят в ловушку. Потом спокойно заберут машину, а нас либо пустят в расход, либо продадут работорговцам!

– Ну-ну! – зло прищурился Родим и вновь прицелился к прицелу, стараясь поймать преследователя, который, оценив его мастерство, принялся довольно умело бросать машину из стороны в сторону, то и дело скрываясь за кучами мусора и металлических обломков, валявшихся по всей ширине того, что в более цивилизованном месте называлось бы проезжей частью.

Прямо по курсу к ним стремительно приближался широкий металлический мост через реку. Вывернув руль с такой силой, что чуть не вырвал его из гнезда, Кувалда едва вписался в девяностоградусный поворот. Преследователь не сумел толком повторить его головокружительный трюк и ударился боком об угол здания, потеряв несколько драгоценных секунд. Однако тут же наперерез «Безумному Макс» вылетел из просвета между домами отставший было темно-синий «Хамлет». Ругаясь в голос, Кувалда бросил свою машину вправо, едва не врезавшись на полном ходу в фонарный столб, вылетел на растрескавшийся тротуар и погнал в противоположном от моста направлении. Автомобиль бандитов мчался параллельным курсом, пытаясь притереть «Безумный Макс» к стене и вынудить его остановиться. Родим зло выругался и отпустил рукоятки плазмомета: «Хамлет» влез в мертвую зону. Случайные прохожие, малолетняя шпана с разрядниками и сидевшие под стенами бомжи привычно исчезали с дороги, прячась в подворотнях, уползая на подвальные лестницы и поспешно вскарабкиваясь на бетонные козырьки вторых этажей: похоже, такая погоня не была тут в диковинку.

Высунув из окна руку с внушительным стволом, бандит, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, попытался снести Кувалде голову из крупного калибра. Тот тут же крутанул руль влево, и его верная тачка с грохотом врубилась крылом в бок «Хамлета». Особого вреда тяжелому внедорожнику это не причинило, однако стрелок потерял равновесие, и заряд ушел в пространство над крышей «Безумного Макса».

В этот момент их догнал старый знакомый «Лемер», и Пестрецов вновь принял к оружию, пытаясь поймать бандита в прицел. Пару мгновений спустя, оскалившись, Родим всадил заряд плазмы в «Лемер», снеся тому кусок самодельной брони, приваренной к грубому каркасу поверх кабины. Преследователь огрызнулся из автоматических спаренных пулеметов, установленных на крыше. Пули резанули по кабине «Безумного Макса», изрядно улучшив ее вентиляцию, и Пестрецов тут же снова нажал на гашетку, принеся точность попаданий в жертву плотности огня: ситуация сложилась очень серьезная, не дать противнику прицелиться сейчас было гораздо важнее, чем попасть самому. Так что обе машины летели по улице в облаке разлетающихся во все стороны кусков асфальта и раскаленного крошева стен.

– Срань господня! – свирепо прохрипел Кувалда, и Родим невольно скосил глаза. Навстречу им по пустынной улице двигался внушительный «Генчлер». Огромный грузовик был специально оборудован для перемещения по зоне свободного ведения огня: его фургон, украшенный надписью «Бир Лига», и кабина были плотно обшиты броневыми листами, лишь в лобовом стекле были оставлены две узкие смотровые щели. Несмотря на это, грузовик явно не раз пытались атаковать: все его борта были закопчены и покрыты большими вмятинами. Кувалда быстро переложил руль влево, снова ударив «Хамлет» в бок. Сдвинуть внедорожник с трассы не удалось – его масса практически совпадала с массой «Безумного Макса», мощность мотора тоже. Бандит настойчиво отжимал Кувалду к стене. Таксист вильнул вправо и снова ударил преследователя, затем еще раз и еще, все увеличивая амплитуду. Удары с размаху начали все больше и больше сносить «Хамлет» на встречную полосу. «Генчлер» яростно загудел и начал притормаживать, хотя уже было ясно, что остановить такую машину до того, как ее трасса пересечется с маршрутом двух ненормальных водителей, практически невозможно.

Бандит взял на вооружение методику Кувалды и начал вилять бампером, стараясь мощными ударами с большой амплитудой оттеснить «Безумный Макс» к стене. Это получалось у него плохо, амплитуды явно не хватало, поэтому он внезапно почти до половины высунулся на встречу, чтобы сделать замах побольше. Коварный Кувалда тут же бросил свою машину влево и плотно притер ее к борту противника.

Взревели мощные двигатели. Внедорожник судорожно пытался снова оттереть такси на тротуар, но «Безумный Макс» не поддавался. Стремительно приближавшийся «Генчлер» ревел уже без перерыва. Наконец бандит понял, что если продолжит упорствовать, то может влететь в крупные неприятности. Он резко сбросил скорость, собираясь отстать от Кувалды и пристроиться ему в хвост, чтобы пропустить движущийся по встречной полосе грузовик, – и в то же мгновение «Безумный Макс», повинувшись хозяину, резко мотнул корпусом, ударив отстающего преследователя массивной задней частью в переднее крыло. Передок «Хамлета» вильнул, совсем чуть-чуть выскочив на встречную полосу, – но этого оказалось достаточно, чтобы грузовик зацепил его тяжелой лобовой плитой.

От скользящего, но сокрушительного удара «Хамлет» развернуло поперек трассы. Не успевший затормозить «Лемер» со всего размаху врезался в него, а с другой стороны нанес мощный удар бронированный фургон «Генчлера», который занесло от первого столкновения.

Такси стремительно удалялось от места аварии. Когда оно свернуло за угол, позади громынуло, и Родим поймал в целеуловитель огромный черный клуб дыма, поднявшийся из-за соседних домов.

– Что и требовалось доказать, – с удовлетворением отметил Кувалда.

Они без дальнейших приключений проскочили еще несколько улиц, не таких грязных и заброшенных, как прочие улицы Инфернуса, после чего водила затормозил у сверкающего огнями ночного клуба – похоже, это было самое приличное здание в радиусе полутора километров. Над его крышей парил в воздухе огромный виртуальный щит, на котором бесконечно чередовались три сотканые из лазерных лучей изображения: дамская ручка с тремя оттопыренными пальцами – надо понимать, это означало «три», – затем ослепительная дамская же

улыбка крупным планом – видимо, это обозначало «веселых», – а вот следующее изображение явно следовало понимать как «сучки»... тут Пестрецов хмыкнул и покачал головой: своим детям, если бы таковые у него были, он такого не показал бы. Впрочем, местные дети, если таковые имелись, наверняка привыкли еще и не к такому.

– Ну, спасибо, брат, – сказал Родим, доставая деньги. – Вот твои четыре счетчика, крокопийца.

– Ладно, ман, – махнул рукой Кувалда. – Пусть будет два. Давно я так не веселился; будем считать, что я оплатил свой билет на аттракцион. Знал бы, что ты такой славный боец, ни секунды бы не раздумывал, стоит ли тебя везти в Инфернус. Я бы с тебя теперь вообще один номинал взял, грех обирать боевого товарища, но мне еще назад возвращаться, да и боеприпасы придется покупать...

– Ну, спасибо, – повторил Пестрецов, выбираясь из машины. – Кстати, ты где служил-то?

– А ты откуда знаешь? – сразу вскинулся Кувалда. – Пузатый Сэм сболтнул?

– Да нет, – покачал головой Родим. – Татуировка у тебя на плече, вытравленная. И акцент характерный. И тоска по боевому братству.

Кувалда поморщился.

– А, – проговорил он, – дело прошлое. А ты что, из наших?.. – Он тоскливо посмотрел на пассажира. – Ты тоже помнишь, как нам навалили у Бетельгейзе? Мне вот до сих пор по ночам снится...

Пестрецов не стал уточнять, что как раз и был одним из тех, кто навалил подразделениям Звездных Тюленей у Бетельгейзе. Для таксиста эта тема явно была слишком большой.

– Может, подождать тебя? – проговорил Кувалда, когда Пестрецов захлопнул дверцу. – Как ты будешь назад выбираться?

– Нет, не стоит. Я не знаю, сколько мне придется здесь пробывать. Выберусь как-нибудь.

– Слушай, у тебя хоть оружие-то есть какое-нибудь при себе, ман?

– Нет.

– Ты абсолютно чокнутый, – с благоговением произнес водитель, воздев руки к небу. – Какая жалость, что нам не довелось воевать в одном подразделении.

Они попрощались, и Кувалда укатил. За ним тут же устремилась одна из машин, до того стоявшая у раздолбанной обочины, однако она вернулась на место, не проехав и пятидесяти метров. Похоже, грозная слава старенького «Безумного Макса» распространилась по Инфернусу со скоростью тропического тайфуна. Местные силу уважали.

Родим двинулся ко входу в клуб «Три веселых сучки». Рядом со входом стену подпирали двое великовозрастных хичеров. С первого взгляда было видно, что это не те дебиловатые скучающие подростки из Альпинского космопорта, которые лет через пять-шесть, вытряся из голов дурь, станут скромными банковскими клерками и офисными менеджерами. Эти были гораздо опаснее, ибо убивать научились едва ли не раньше, чем говорить. Они не играли в отморожков, они действительно были отморозками.

– Эй! – непрерывно шмыгая покрасневшим от «одуванчика» носом, один из них, с дико вздыбившимися на макушке волосами и красными линзами в глазах, внезапно откинул полукожаной безрукавки, выхватил разрядник и направил его в лицо поравнявшемуся с ними Родиму.

– Что вам надо, ребята? – поинтересовался Родим, притормозив и благодушно прищурившись. – Можно я пройду?

– Деньги! – отрывисто пролаял хичер с разрядником. Оружие ходило ходуном в его руке. – Личный коммуникатор. Карточки. Быстро! Чемодан поставь!

– Хорошо, хорошо, – примирительно проговорил Родим, выполнив последнее распоряжение.

– Гнус, проверь карманы! – скомандовал хичер.

Его приятель двинулся к Пестрецову.

– Только сначала мне хотелось бы... – проговорил Родим, делая быстрый, неуловимо-текущий шаг ему навстречу.

На мгновение грабитель с оружием потерял жертву из виду. А когда его приятель вдруг захрипел и начал медленно оседать на землю, краем глаза оторопевший хичер снова заметил странного провинциала с дурацкой улыбкой, который внезапно возник откуда-то сбоку, протягивая руку к разряднику. В следующее мгновение мир в глазах хичера взорвался, и он без чувств рухнул на бетонные плиты перед входом в «Три веселые сучки».

Пестрецов с шипением потряс рукой – за семь лет слегка потерял форму, похоже, при ударе немного вывихнул запястье – и проверил разрядник. Недурственно.

– Видишь, Кувалда, теперь у меня есть оружие, – проговорил он, пряча разрядник в карман. – А ты, брат, расстраивался.

Прихватив чемодан, он вошел в клуб.

Глава 4

При входе в клуб двое вышибал в кожаных безрукавках (похоже, эта одежда была здесь остромодной в нынешнем сезоне) пропустили его через металлодетектор и, когда тот протестующе заверещал, привычно и аккуратно обшмонали с ног до головы. Забрав разрядник, выдали взамен металлический номерок, а оружие заперли в один из железных ящиков, стоявших вдоль стены. Судя по всему, заведение для этого района было весьма респектабельным – хозяева явно заботились о том, чтобы всякий гость мог расслабиться по полной программе, не ожидая получить в спину порцию плазмы из-за соседнего столика. Затрапезный костюмчик Пестрецова вызвал немой вопрос в глазах одного из громил, но Родим достал из кармана несколько крупных купюр, и вышибала тут же отступил в сторону, удостоверившись в платежеспособности клиента.

Внутри было шумно и дымно, грохотала музыка, мелькали вспышки стробоскопов и лепестковых лазеров. Внушительный клубный зал был погружен в полутьму, поэтому разглядеть посетителей оказалось нелегко. Зато по двум сценическим подиумам и двум помостам по бокам щедро расплескивался свет ярких софитов. На подиумах, соблазнительно выгибаясь, танцевали две обнаженные девицы с вполне удовлетворительными формами.

На входе в зал гостя ласково ухватила под локоть миловидная китайка в прозрачной блузке – метрдотель. Пестрецов попросил столик подальше от грохочущих колонок, и китайка, понимающе улыбнувшись, сопровождала его в самый угол зала. Обзор отсюда, правда, открывался так себе, одной сцены не было видно вовсе, а ко второй приходилось выворачивать шею, но Родим в общем-то этого и добивался. Так было меньше шансов, что его узнают раньше времени.

Едва он расположился за столиком, к нему подпорхнула юная нимфа с подносом в руках. Из одежды на ней был только небольшой кокетливый передничек. Острые грудки нимфы задорно торчали вверх и чуть колыхались при ходьбе. Вся она была крепенькая и бодрая, как свежесорванное яблочко, ее так и подмывало шлепнуть по заднице и откусить кусочек. Но, поскольку посетитель был явно из небогатых, на этот раз официантка не была расположена позволять ему такие вольности. Во всяком случае, до того момента, пока он не подтвердит свою финансовую состоятельность. А вот в зале регулярно раздавались смачные шлепки, похожие на пощечины. Однако поскольку подпрыгивали при этом официантки, а не посетители, вряд ли это все же были пощечины.

– Виски, сэр? – первым делом поинтересовалось юное создание, подавая гостю меню.

– Нет, спасибо.

– Значит, водки? – Официантка низко наклонилась к Пестрецову, так что тот, если бы захотел, вполне мог бы дотянуться губами до одного из ее сосков. – У нас есть настоящая русская, контрабандная, со Светлого Владимира, – заговорщически проговорила она. – Только стоит она дорого.

– Солидно! – одобрил Родим. – Нет, водки не надо.

– О! Огненная бластерия – отличный выбор! – обрадовалась нимфа. – Сразу видно артистического человека!

– Принесите-ка мне для начала апельсинового соку, – попросил Пестрецов, захлопывая меню.

Девушка обиженно заморгала.

– Сок и вода у нас подаются только к спиртному! Не желаете ли виски, сэр?..

Похоже, разговор пошел на второй круг.

– Хорошо, – сдался Родим. – Давайте виски.

– Что-нибудь на закуску? Кровавый стейк с картофелем фри?

– Не надо кровавого стейка. Я уже обедал.

Развернувшись и возмущенно продемонстрировав гостю крепкие вздернутые ягодицы, официантка поспешила к бару. По дороге она пару раз останавливалась у других столиков, и из полумрака доносился ее щебечущий голосок: «Еще виски, сэр?..»

Проводив девушку оценивающим взглядом, Пестрецов развернулся к стриптизному подиуму.

– Встречайте, друзья! – объявил одетый в блестящий смокинг конференсье на ближней к Родиму сцене. – Белая Королева!

Пьяные посетители вяло захлопали.

Под звуки тягучей музыки на подиум поднялась высокая, светловолосая женщина, с ног до головы затянутая в белый искрящийся шелк, который плотно обтекал ее весьма неплохую фигуру. Перемещаясь по сцене в странном плавном танце, она пикантно наклонялась и замирала на мгновение, фиксируя весьма соблазнительные позы. Пестрецову стало интересно, как же она станет избавляться от своего облегающего костюма: похоже, сбросить его эффектно и быстро, как и положено в стриптизе, было не так-то легко.

Однако все оказалось гораздо проще. Белая Королева повернулась к залу спиной, и переливающаяся ткань вдруг словно стала сползать с ее спины, исчезая на глазах. Костюм был сделан из поляризованного шелка, и теперь, когда расположившийся возле диджейского пульта помощник, направив на стриптизершу подключенную к специальному устройству электронно-лучевую трубку, аккуратно водил по ее телу направленным пучком электронов, ткань на их пути меняла статический заряд на противоположный и становилась абсолютно прозрачной.

Из наглухо закрытого платья быстро превращалось в декольтированное спереди и сзади. Приоткрыв ложбинку между грудей танцовщицы, невидимый напарник перешел к ногам и принялся методично укорачивать длинный, до пола, подол узкой юбки.

С открытыми плечами и ногами девушка выглядела значительно соблазнительнее. Она по-прежнему перетекала с места на место, принимая эффектные позы и замирая на мгновение лишь для того, чтобы потерять еще какую-нибудь часть платья. Напарник довольно ловко работал с электронным устройством и ошибся только один раз, когда стриптизерша после очередной паузы пришла в движение чуть раньше, чем было нужно, и ее попку перечеркнула по диагонали узкая полоса ставшей невидимой ткани. Впрочем, так получилось еще пикантнее.

У столика Пестрецова возникла официантка, которая принесла виски. Поставив бокал на стол, она как бы невзначай прижалась к его предплечью теплым обнаженным бедром и чуть потерлась о него – похоже, она успела переброситься парой фраз с вышибалой на входе. Не удержавшись, Родим все-таки звонко щелкнул девушку по ягодице, заслужив лукавую улыбку с ее стороны.

Когда официантка удалилась, Пестрецов вернулся к созерцанию шоу. Юбка исполнительницы уже превратилась в очень смелую мини-юбку, а верх платья – в топик. Еще несколько соблазнительных танцевальных движений, и от белого топика осталось только подобие лифчика, а мини-юбка превратилась в трусики. Некоторое время девушка эффектно изгибалась всем телом в «белье», а потом вооруженный электронно-лучевой трубкой невидимый напарник приступил к основному.

Разумеется, под платьем у девушки совсем ничего не было, и Пестрецов сумел убедиться, что она натуральная блондинка. Белая Королева покрутилась на сцене абсолютно голая, а потом ее напарник включил генератор переменной частоты, и платье на теле танцовщицы стало то появляться, то снова исчезать. По окончании номера Пестрецов решил, что выступление в общем-то было вполне приемлемым, и присоединился к аплодисментам публики.

На соседней сцене между тем объявили Мисс Ящерицу, но как Родим ни выворачивал шею, увидеть ее танец так и не смог.

Прикладываясь время от времени к дрянному виски, Пестрецов задумчиво наблюдал эротическое шоу. Одна за другой перед ним выступили Госпожа Капитан, Плохая Девочка, Ласковая Киска и Огненная Птица. Девицы, естественно, были не высшего качества, но для бандитского гетто вроде Инфернуса более чем удовлетворительные. Каждые пять минут возле столика появлялась официантка в передничке, которая заботливо осведомлялась: «Виски, сэр?», «Не желаете ли еще виски?», «Может быть, виски?», «Вам обновить, сэр?», «Еще виски?» В конце концов Пестрецов начал уже издали отгонять ее жестами, когда она направлялась к его столику.

– А теперь любимица публики – Железная Леди!

Зал приветствовал Железную Леди радостными возгласами и одобрительным свистом. Родим отодвинул полупустой бокал и повернулся к сцене.

Появившаяся на подиуме танцовщица была не так молода, как предыдущие стриптизерши. Все в ее облике дышало зрелой женской красотой, причем красотой агрессивной, атакующей. Ее окрашенные в стальной цвет волосы торчали в разные стороны длинными остроконечными иглами. На Железной Леди было какое-то громоздкое металлическое одеяние – не то рыцарский доспех, не то стилизованный скафандр высшей защиты, украшенный шипами и острыми выступами; впрочем, приглядевшись, Пестрецов решил, что это все-таки не металл, а плотная ткань, имитирующая текстуру металла, – уж слишком легко двигалась стриптизерша. Даже он в такой гряде железа едва волочил бы ноги – если, конечно, дело не происходило бы на станциях с пониженной гравитацией.

Под тревожную музыку Железная Леди исполнила довольно сложный танец с акробатическими номерами. Судя по выразительным движениям, ее кто-то атаковал – то ли дикие звери, то ли неведомые враги. Нанося невидимому противнику сокрушительные удары, стриптизерша понемногу теряла элементы своего скафандра, и под ним начало вырисовываться довольно привлекательное женское тело – гораздо более интересное, чем у предыдущих танцовщиц.

Вокруг воительницы уже громоздились горы воображаемых трупов, когда она осталась только в фиолетовых трусиках и в чем-то вроде полупрозрачной маечки. У нее были очень узкие женственные запястья и тонкокостные ноги, однако мускулы на руках и ногах выделялись под кожей заметными холмиками. Стриптизерша не была перекачана до безобразия, как чемпионки Соединенных Миров по бодибилдингу, однако ее никак нельзя было принять и за капризную избалованную неженку вроде Ласковой Киски. По ее гармоничной спортивной фигуре, по решительному выражению лица, по чуть презрительному взгляду можно было безошибочно угадать опытного бойца, прошедшего не одну схватку – причем явно не только на стриптизном подиуме. Впрочем, для такого вывода достаточно было просто оценить кувырки и пируэты, которые она выполняла в этом номере.

Сделав заднее сальто, она в полете разорвала на себе маечку и, извернувшись в воздухе, приземлилась на подиум спиной к публике и прикрыла грудь руками, словно внезапно застеснявшись. У нее была красивая загорелая спина, чистая, не изуродованная угрями или белыми полосками от купальника. Пестрецов услышал, как за соседним столиком кто-то застонал от вожделения. Между тем воительница развернулась лицом к зрителям, все еще прикрываясь руками. Ее плоский живот часто вздымался от дыхания, длинные ресницы трепетали, упругая кожа поблескивала от выступившей испарины. Мужчины в зале, затаив дыхание, жадно пожирали ее разгоряченными взглядами.

Железная Леди изящным движением убрала левую руку с груди, однако правая продолжала прикрывать оба соска. Зал застонал. Раскачиваясь всем корпусом из стороны в сторону, словно змея перед броском, воительница еще некоторое время мучила распаленных самцов и наконец милостиво разрешила им увидеть свою высокую грудь безупречной формы. В одних узких трусиках она исполнила еще несколько сложных прыжков, ее тугая узкая попка так и

мелькала перед возбужденными зрителями. Прыгнув на вертикальный шест в углу подиума, она дважды провернулась вокруг него, давая присутствующим оценить свое восхитительное тело со всех сторон и полюбоваться игрой мышц под загорелой кожей.

Родим словно зачарованный следил за выступлением Железной Леди. Да, безусловно, это был высший класс, не чета всем предыдущим, и немудрено, что она стала любимицей местной публики.

Покинув шест, стриптизерша совершила сложный тройной прыжок через голову и приземлилась на самом краю подиума. Какой-то миг Пестрецову казалось, что она не удержит равновесия и рухнет прямо на сидевших за ближними к сцене столиками, но расчет был точным. Легко развернувшись на носках, Железная Леди низко наклонилась и начала медленно, мучительно медленно спускаться с крутых бедер поблескивавшие в свете прожекторов трусики. Когда пылающим взорам зрителей предстала трепетная расщелина между ягодицами, девушка резко присела на корточки, одновременно рывком сдернув трусики до самого низа. Выпрямившись, она подцепила их каблучком прозрачной босоножки и швырнула в зал. Возле сцены раздался судорожный скрип сдвигаемых столов, в полумраке метнулось несколько темных фигур, послышался шум потасовки. Два охранника от дверей кинулись в темноту зала, пытаясь восстановить порядок.

Когда Пестрецов снова перевел взгляд на подиум, совершенно обнаженная стриптизерша уже снова кружила вокруг шеста и демонстрировала очень неплохую растяжку, поочередно забрасывая то одну, то другую ногу выше головы. Еще около минуты она извивалась всем телом и танцевала под взглядами похотливых самцов, а под конец запрыгнула на шест. Болтая ногами в воздухе, она сомкнула ладошку на шесте у себя над головой и, глядя в зал, трижды решительно и резко скользнула рукой по толстому металлическому стержню вверх-вниз, после чего музыка оборвалась.

Зал радостно взревел. Родим готов был дать голову на отсечение, что у половины мужчин в этом зале сейчас мокро в штанах.

Когда Железная Леди покинула подиум и ее сменила Подруга Пирата, Родим жестом подозвал знакомую официантку, которая неумоимо сновала между столиков. Та приблизилась к нему, старательно покачивая бедрами:

– Еще виски, сэр?

– Нет, спасибо. Я бы хотел узнать, где здесь можно приобрести цветы?

Ошалело блыгнув глазами, официантка с благоговейным ужасом уставилась на него. Похоже, с тем же успехом он мог спросить у нее, где здесь можно недорого купить живого слона или боевой крейсер.

– Может быть, все же кровавый стейк?.. – пробормотала она.

– Вы неправильно поняли, я не собираюсь закусывать цветами, – смущенно улыбнулся Родим. – Видите ли, мне очень понравилась одна из артисток, и я хотел бы в знак восхищения послать ей красивый букет.

Официантка так же ошалело произнесла: «Да, сэр». На ее кукольном личике застыло сложное выражение: ужас из глаз исчез, сменившись смесью потрясения и озадаченности. Еще пять минут назад Пестрецов готов был бы держать пари, что ничто во Вселенной не сможет шокировать эту девицу, однако в действительности сделать это оказалось проще простого.

Шустро проскользнув через весь зал, девушка в передничке подошла к охраннику у дверей и принялась что-то возбужденно ему рассказывать, то и дело крутя пальцем у виска.

Когда Подруга Пирата спускалась со сцены, возле столика Пестрецова нарисовался тот самый охранник.

– Вы действительно хотите послать одной из стриптизерш цветы, сэр? – поинтересовался он.

– Ага, – простодушно кивнул Родим. – Это запрещено правилами заведения?

– В общем-то нет, – задумчиво произнес охранник. – Просто сколько я тут ни работаю, никто еще такого не делал... А кому именно вы хотите преподнести цветы?

– Железной Леди, – ответил Пестрецов, всячески демонстрируя свое смущение. – Я даже готов заплатить вам, если вы согласитесь поспособствовать...

– Отличный выбор! – Услышав имя понравившейся гостю дамы, охранник вдруг расцвел, ослабившись во всю пасть, словно в предвкушении какого-то радостного события. – Это действительно замечательная девушка! Не надо мне никаких денег, я буду очень рад помочь, а стоимость букета вам включают в счет. Люди должны помогать друг другу, не правда ли? Более того, я постараюсь устроить так, чтобы вы смогли лично вручить букет артистке. Только вам придется подождать до конца представления, потому что доступ в грим-уборные до окончания программы категорически запрещен.

– Ничего страшного, я подожду.

Когда основная программа эротического шоу подошла к концу и немногочисленных оставшихся посетителей принялись развлекать нон-стоп неумело скакавшие вокруг шестов стриптизерши низкого класса, к столику в углу вновь приблизился охранник, держа в руках небольшой букет генетически модифицированных фиалок, лепестки которых мягко сияли в полумраке серебристым светом, а на мохнатых листьях словно застыли светящиеся капельки росы. С церемонным видом, едва скрывая ехидную усмешку, охранник вручил посетителю букет и пригласил следовать за собой.

В дальнем конце зале уже зажгли приглушенный свет, поэтому по пути к грим-уборной Родим заметил, что его инициатива отчего-то крайне заинтересовала весь персонал заведения. Так что он двигался под перекрестным обстрелом десятков глаз охранников, официанток, стриптизерш и барменов, наблюдавших за ним с жадным интересом и обменивавшихся кривыми улыбками. Родим понимающе ухмыльнулся про себя и, приблизившись к двери, на которой по трафарету было написано: «Железная Леди», изобразил на лице крайнее волнение пополам с любовным томлением (ну, как смог – впрочем, в данной ситуации особого артистизма не требовалось). Остановившись у двери, он картинно потеребил букетик и, повинуясь приглашающему жесту охранника, робко постучал.

Изнутри слышалось:

– Какого хрена? Пошли вон.

Охранник беззвучно отступил на два шага назад – как ему показалось, совершенно незаметно для гостя.

– Извините, мадам, я был столь поражен вашим выступлением, – противным фальцетом с нарочитой дрожью в голосе прогнусавил Родим, – что мне хотелось бы в благодарность преподнести вам эти замечательные цветы...

– Ч-ч-чего?!

Дверь гримуборной внезапно распахнулась от резкого удара изнутри и с грохотом врубилась в стену. Если бы ожидавший этого Пестрецов не прынул всем телом в сторону, ему наверняка досталось бы дверью между ног.

На пороге нарисовался предмет мечты скромного лоха, весь вечер проторчавшего за самым дальним столиком с одним-единственным стаканом виски. На Железной Леди были камуфляжные штаны и армейская футболка цвета хаки, открывавшая тренированные бицепсы. Волосы, на выступлении торчавшие длинными серебристыми иглами, уже были тщательно промыты, высушены и стянуты резинкой в конский хвост: на самом деле они оказались ярко-рыжими. На кисть ее правой руки, уже занесенной для удара, был надет кастет из никелированной стали.

– Разодрать мою задницу, – ошеломленно пробормотал предмет мечты, облакачиваясь на дверной косяк и складывая руки на груди. – Это ж Песец.

– Привет, Рысь, – произнес Родим уже своим обычным голосом. – И скольким ты уже отбила яйца?..

Он не сумел отказать себе в удовольствии и чуть повернул голову, чтобы полюбоваться потрясенной физиономией охранника...

* * *

– И давно ты здесь трясешь задницей?

– Да уж больше полугода.

Они сидели в дальнем углу опустевшего зала, за тем самым столиком, и лакали местное виски. Оба успели сойтись на том, что больше всего это пойло напоминает самогон, который Казимеж гнал на Фарсалосе из картофельных очисток и абрикосовых косточек, только оно тому самогону и в подметки не годится. Однако они не были достаточно артистичными людьми, чтобы травить себя огненной бластерией, а так называемая контрабандная «Боярская» со Светлого Владимира на самом деле не имела с настоящей ничего общего: обычный плохо разбавленный спирт. На столе перед ними в стакане воды мягко мерцали фиалки.

– А до этого где тебя носило? – поинтересовался Родим, бултыхая в бокал темно-коричневую жидкость с резким запахом. – Я на тебя вышел чудом.

– Сразу после отставки вернулась в родные края и пыталась начать жить нормальной жизнью. – Рысь помолчала, скрипнула стулом. Подняла взгляд на собеседника. – Отчего-то не смогла. Ну, чего тебе объяснять, сам небось все понимаешь... Завербовалась на рудники в пояс Альгавы. Там было тяжело, но здорово. Изматывающая работа, тяжелые условия, тупой быт, чужие люди вокруг – то, что нужно, чтобы побыстрее забыть о Дальнем Приюте. Но меня оттуда быстро вышибли. Когда количество шахтеров, которых я изувечила, перевалило за второй десяток, руководство шахт заявило, что не намерено терпеть убытки и постоянно решать вопрос с наймом нового персонала из-за того, что какой-то сучке взбрело в голову, будто у нее между ног сокровище, которое следует защищать всеми доступными средствами, включая табуретки с камбуза, распорные штанги и запасные буры большого диаметра.

Покачивая головой, она еще плеснула себе виски из стоявшей на столе бутылки: в местном баре у нее был неограниченный кредит. Пестрецов не стал ухаживать за ней и наполнять ее бокал – Рысь страшно этого не любила.

– Потом моталась по галактике, – продолжала она, отхлебнув. – Кое-какие связи остались, устраивалась то там, то здесь. Так, чтобы побольше выматываться и поменьше вспоминать. Оцедонтов кормила в Мирмикейском зоопарке. – Она невесело фыркнула. – Но Горно-стоям ли бояться грязи, командир? А насчет денег – так много ли мне надо? Конура чуть побольше шкафа да пожрать два раза в день. Никого видеть не хотелось, думала, повешусь или с ума сойду... Пару раз устроилась на более или менее приличную работу, но на одной оказалось слишком много свободного времени, а со второй тоже быстро турнули – там надо было спать с хозяином. То есть это в контракт не входило и выяснилось уже потом, по ходу дела, так что у нас с руководством сразу возникло взаимное непонимание. В общем, в конце концов выбросило меня прибоем сюда. За полгода уже стала здесь достопримечательностью – как же, стриптизерша, которая никому не дает! У местных такое в голове не укладывается...

– И что, много уже яиц отбила? – усмехнулся Родим.

– Да уж не меньше сотни, – Рысь презрительно скривилась. – Мачо недоделанные...

Она крепко и многоэтажно выругалась. Пестрецов посмотрел на нее с уважением.

– Сначала, конечно, обижались сильно, – продолжала Рысь. – Не понимали, что сами виноваты, что не нужно мне их собачье внимание. Пытались избить, порезать, изнасиловать... Но куда этим детям улиц до настоящего профессионала! Кое-кого пришлось вразумлять жестокими переломами и травмами черепа. Первое время я вообще ночевала прямо в гри-

мерке с разрядником под подушкой. Сейчас вроде бы отстали – местные силу уважают, да и хозяин заведения имеет мощную крышу, а я ему неплохие деньги приношу как-никак. Так вот и живу. Иногда мне кажется, что я не улетала с Мирмикея и по-прежнему работаю в зоопарке – в павильоне приматов... В общем, именно то, что надо. – Она залпом допила виски и со стуком поставила бокал на столик. – Ну, а ты как, Песец?

Родим пожал плечами.

– После отставки тоже сначала вернулся домой. Сперва вроде бы нормально было. Словно отболело все внутри и выгорело. А потом – не смог. Не смог на себя по утрам в зеркало смотреть. Не смог видеть свои награды, особенно за последнюю операцию, тошно мне становилось. Не смог встречаться с сослуживцами, не смог читать газеты. Бросил все, удрал на Ярило VI, родину моих предков. Я ведь столичный житель только во втором колене, – усмехнулся Пестрецов. – От самого себя удрал... Губерния у нас оказалась приграничная, народу мало, земли много. Местные пособили – отстроил себе хуторок, завел хозяйство, на охоту стал ходить. Коровку завел...

– Настоящую, местную? – вдруг по-детски заинтересовалась Рысь. Она-то видела коровок Ярилы разве что в зоопарке на Мирмикее.

– Настоящую.

– А они что, действительно родичи божьим коровкам?

– Да нет, просто похожи... Они не насекомые – млекопитающие. Мясо вкусное, и молоко полезное. И панцири используются в промышленности... – Пестрецов помолчал. – В общем, обжился. Привык. И ты знаешь, вдруг почувствовал, что оказался дома. Живут люди простой, чистой, здоровой жизнью. Все друг друга знают, все своими руками делают. Пираты высаются – в течение получаса ополчение встает. Ни на кого не рассчитывают, ни на что не жалуются, а Родину любят: и малую, и большую – все миры России... Одним словом, начало меня прошлое понемногу отпускать. Совсем бирюком стал, даже говорить и думать начал как местные. Другим человеком сделался. Решил уже, что сумел наконец от самого себя спрятаться, что больше не придется по ночам вскакивать с перекошенной физиономией и лечить совесть при помощи «Боярской»...

Он замолчал.

– И что же случилось? – поинтересовалась Рысь, глядя в сторону. Она уже знала ответ, хотя Родим не обмолвился еще об этом ни словом.

– На прошлой неделе мне пришло личное послание.

Рысь задумчиво постукивала длинными коготками по бокалу.

– От него? – сухо спросила она после долгой паузы.

– От него.

– Ты поэтому меня разыскал?

– Да.

На несколько мгновений за столиком повисла напряженная тишина, а затем Рысь, вздохнув, произнесла:

– Ясно.

И поднялась из-за стола.

– Ты куда? – осторожно спросил Родим, поворачивая голову вслед за ней.

– Вещи собирать, командир. Куда ж еще?..

Они вылетели через два дня, после того как Рысь урегулировала все свои дела с хозяином заведения. Она сделала это сама, без помощи Песца – и всего лишь ценой двух перелетов у охранников. Все это время в клуб «Три веселых сучки» продолжалось паломничество толпы народа, желающих посмотреть на супергероя, который после знакомства с Железной Леди ухитрился сохранить яйца в неприкосновенности...

Глава 5

Этот корабль был гораздо более грязным, убогим и старым, чем тот лайнер, который, совершив промежуточную посадку для дозаправки, доставил Пестрецова в бывшую пиратскую республику. На нем не имелось ни зимнего сада, ни бильярда, обстановка и ассортимент баров были совершенно спартанскими, а шум двигателя глухо проникал через все переборки и преследовал пассажиров повсюду. Пассажиры здесь тоже подобрались попроще и погрязнее. Зато Родиму и Рыси досталась довольно неплохая двухместная каюта с широкой по местным меркам двуспальной кроватью – более дешевые места были раскуплены за месяц до рейса, так что выбирать не приходилось. Так сказать, эконом-вариант каюты для новобрачных...

Проснувшись утром, Родим осторожно, чтобы не потревожить лежавшую рядом женщину, подпер голову рукой и стал задумчиво разглядывать свою боевую подругу. Она словно почувствовала это, пошевелилась, приоткрыла глаза.

– Чего уставился-то? – пробурчала Рысь, потягиваясь. – Дырку проглядишь.

– Любуюсь, Светка, – честно признался Пестрецов. – Ты совсем не изменилась.

– В клубе не налюбовался, что ли? – Она выбралась из постели и встала посреди каюты, сладострастно потянулась, тряхнула огненной гривой, дразня Родима восхитительными изгибами нагого тела.

– Там было слишком далеко.

– За просмотр обычно деньги платят, – проворчала Рысь, двинувшись в сторону душевой кабинки. – И хорошие чаевые! – крикнула она, уже задвинув за собой пластиковую ширму.

– С меня выпивка, – пообещал Пестрецов, откидываясь на подушки.

Вчера он вовсе не собирался ворошить прошлое, вновь возвращаться к давно перевернутой странице их взаимоотношений. Это глупо, это всегда мучительно неловко и недостойно имперского офицера. И, разумеется, Родиму совершенно не хотелось, чтобы Светка отбила ему яйца, как несколькими десятками предыдущих претендентов на ее руку и тело, – а эта стерва могла, она знала очень коварные приемы. Каюта для новобрачных была для него лишь очередным крошечным неудобством на пути к цели, вроде Папы Юпа или хичеров в Альпинском космопорте. Все, что касалось Рыси, уже давно перегорело и умерло в душе Песца. Он абсолютно серьезно собирался вчера вечером дружелюбно пожелать ей спокойной ночи, отвернуться к стене и мирно уснуть. Однако все получилось по-другому, причем так естественно, легко и восхитительно, словно они на самом деле были молодоженами. С одной стороны, загадки это не составляло: судя по рассказам Светы, мужчин у нее не было очень давно, да и Пестрецов на своем хуторе не был избалован дамским обществом. И словно не было этих семи лет разлуки, словно они расстались только вчера, словно никогда в их судьбе не возникало роковых слов «Дальний Приют»... Но, с другой стороны, между ними по-прежнему бездонным горным ущельем пролегал то, из-за чего они когда-то разбежались по всей галактике. То, что до сих пор не давало Родиму дышать полной грудью. То, из-за чего он немедленно сорвался с места, едва получив послание императора, хотя оно совершенно ни к чему его не обязывало. У них с Рысью была бурная ночь, но язык у Пестрецова не повернулся бы назвать ее ночью любви. Скорее это была ночь товарищеской взаимопомощи и сексуальной психотерапии. И мужчина с удовлетворением отметил, что к утру женщина наконец расслабилась, стала не такой напряженной и тревожной, как все эти последние дни перед отлетом...

– Знаешь что, Песец, – крикнула она из душевой кабинки, пытаясь перекрыть шум воды, – если ты думаешь, что это что-нибудь значит и что у нас теперь все будет как когда-то, ты эти мысли сразу засунь себе поглубже в задницу, хорошо?

– Договорились, – хладнокровно отозвался Родим. – Яблочко помой мне, пожалуйста.

* * *

Первые два дня они отсыпались в своей каюте, а к вечеру третьего выбрались в бар. Посетителей было немного, на затемненном танцполе под медленную музыку жадно тискались нетрезвые парочки, пытавшиеся изобразить, будто они танцуют. Пестрецов с Рысью взяли по пиву и пристроились за одним из угловых столиков.

– Интересно, – задумчиво проговорила Рысь, отхлебнув пива, – а почему он прислал послание именно тебе?

Родим молча пожал плечами. Она еще несколько мгновений помолчала, то ли ожидая ответа, то ли просто пытаясь его перемолчать, а затем сдалась и переменяла тему:

– А как ты меня нашел?

– Найти тебя было очень непросто, – покачал головой Пестрецов. – Я не стал обращаться ко Второму управлению. Не хочу сказать, что у их аналитиков меньше мозгов, чем у меня, но я лучше тебя знаю. Ты скиталась по таким дырам, что они вполне могли тебя и не отыскать. А я знал заранее, куда следует заглянуть в первую очередь... К тому же чем меньше мы оставим следов в официальных структурах, тем спокойнее я себя буду чувствовать.

– Мозги тут ни при чем, – вздохнула Рысь. – Просто я пряталась от себя, а не от тебя. – Она сделала паузу. – А насчет следов... Ты имеешь в виду возможность наличия «крота»?

– Нет, – качнул головой Песец. – Вряд ли все так плохо. Но береженого, как ты понимаешь, бог бережет. Не случайно же послание пришло мне в обход всех силовых ведомств, с личным вассалом. На всякий случай, как я понимаю. На Дальнем Приюте ведь, похоже, не обошлось без предательства.

Они помолчали, погрузившись в пиво.

– Знаешь, Песец, – проговорила наконец Света, – спасибо, что забрал меня оттуда. И спасибо, что растормошил. Я думала, у меня уже никогда ничего не будет – ни секса, ни настоящего рискованного дела...

– Обращайся, если еще понадобится, – проронил Родим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.